

83.3A8

C37

КОНСТАНТИН
СИМОНОВ
В АБХАЗИИ

✓K

8

АБ-2

83.3АБ
С37

КОНСТАНТИН СИМОНОВ В АБХАЗИИ

3026 + 7958

БИБЛИОТЕКА
АБХАЗСКОГО ИНСТИТУТА
ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

Издательство «Алашара»
Сухуми — 1981

Гулаутская
Л.С.
абонент

Составление и примечания
Д. ЧАЧХАЛИА

М623(06)-81

© Издательство «Алашара», 1981

В Абхазии я долго жил,
люблю этот край
и в долгу перед ним.
К. СИМОНОВ

СТАТЬИ • ВЫСТУПЛЕНИЯ • ЗАМЕТКИ

ЧЕРТЫ ОБЛИКА

Когда я думаю о Дмитрие Иосифовиче Гулиа, в глазах моих стоит далекая маленькая и величественная Абхазия.

Я вижу абхазские тополя у белых пыльных дорог за низкими живыми изгородями из трифолиаты — зеленой колючки. Тополя ровными квадратами огораживают малевские деревенские сады, их прямые зеленые свечи, как на чертежах, по линейке уходят в синее небо. А по стволам тополей, обкручивая их мощными мускулистыми узлами, лезут от земли к солнцу старые лозы винограда «изабеллы».

Я вижу абхазские и мегрельские деревенские дома, чем-то похожие на свайные постройки, — традиция, оставшаяся от старых времен, когда вокруг Сухум-Кале тянулись болота и топи. Сухие и жаркие комнаты на вторых этажах, а внизу только кухни и кладовки. А перед домами от самых ворот до самых дверей — ровные как стол, курчавящиеся короткой травкой, чистые полянки — такие, словно хозяева хотят сказать гостям — входите, и пусть ничто не помешает вам открыть двери нашего дома!

Я вижу справа море, чаще зеленое, но в бурю действительно черное. Когда оно разбушует, то мелкая водяная пыль плывет по стеклам стоящих у самого берега домиков. А слева я вижу горы: первые горы — зеленые, в садах и виноградниках. Вторые горы — темные, в синеве лесов, и третьи горы — дальние, полурыжие, полубелые, еще или уже в снегу.

Я вижу грохочущие по горным дорогам грузовики, в их кузовах — обмотанные толстой проволокой, лежат громадные твердые и тяжелые, как железо, кряжи бука и граба. Их везут из Кодорского ущелья, и грузовики шатают влево и вправо от их тяжести.

Я вижу откосы Закавказской железной дороги, усаженные олеандрами и кактусами, и бело-зеленый Сухуми под теплым зимним дождем. Я вижу шагающие друг другу навстречу с гор и в горы мачты высоковольтных линий и аулы в горах, куда в непогоду надо добираться пешком, и сакли с их дымом очагов и с желтыми холмами кукурузных початков под навесами, а за саклями зеленые молодые тополя на земле, отнятой у камня.

Я люблю этот край, люблю вблизи и люблю издали.

С первых дней знакомства, а потом и душевной близости этот край был связан для меня с именем и личностью Дмитрия Гулиа. Его дом стал для меня дверью в эту страну. Да только ли для меня? Есть много людей, которые вместе со мной могут повторить эти слова.

В этом доме, построенном так, что, пожалуй, он был больше удобен для гостей, чем для хозяев, часто бывало шумно, потому что сюда приходило и приезжало много людей. Врачи считали, что даже слишком много. Хозяин считал, что нет. И, наверно, был прав он, а не они. Потому что без того интереса к жизни и к людям, который он не только испытывал, но и удовлетворял, такому

старому, давно и тяжело больному человеку, как он, было бы не дожить до восьмидесяти шести лет. В последние годы жить ему стоило больших усилий, но, зная его, я думаю, что он считал бы эти усилия бессмысленными, если бы их результатом было только продление собственной жизни, а не продление своего общения с людьми.

Но он упрямо, почти до самого конца дней, продолжал свое общение не только с людьми, но и со своей родной землей, ее морем и горами, воздухом, дорогами, домами, деревьями. Если он чувствовал себя хоть немножко сносно, то каждый день в один и тот же час, уже поддерживаемый в последние годы под руки, спускался по лестничке со второго этажа, садился рядом с шофером в машину и ехал на прогулку. Он медленно проезжал по нарядным улицам Сухуми, а потом чаще всего сворачивал на дорогу, идущую на юг, в сторону реки Кодор, к тем местам, где он родился. Иногда он доезжал и до Кодора и подолгу сидел на его берегу. Иногда съезжал с шоссе и по одной из многих проселочных дорог, вдоль почетного караула обвитых старыми лозами придорожных тополей, ехал к самому морю, выходил, а если чувствовал себя слишком плохо для этого, просто открывал дверцу машины, слушал шум моря и смотрел на него. Да, смотрел, хотя в последние годы почти ослеп. Он страстно ненавидел свою слепоту, так же страстно, как не любил вообще все свои старческие немощи. Сказать, что он страдал от них, значит не точно выразить его бурный характер. К страданию постепенно привыкают. Но он не желал привыкать ни к чему из того, что насильственно отделяло его от других людей, от природы. Он не столько страдал от своих недугов, сколько боролся с ними, с каждым порознь и со всеми вместе.

А со все плотнее надвигающейся слепотой он до самого конца не желал считаться. Он говорил: поеду посмотреть на море, поеду посмотреть на горы. Он говорил: я вчера видел этого человека, он постарел. Он любил писать в стихах: я вижу. И это были не просто слова: силой своей воли, своей памяти и своего воображения он действительно видел то, что с особенной страстью хотел видеть.

Тем, кто не знал Дмитрия Гулиа, я не хочу рисовать образ стареющего богатыря. Он вовсе не был богатырем, не был никогда, и в молодости тоже. А в те годы, что я его знал, это был невысокий старик, с широкими худыми плечами, со слабыми старческими руками, тонким, прекрасным, но уже очень старым лицом и легкими белыми волосами, такими длинными, что они почти падали ему на плечи. У него был твердый, но очень тихий старческий голос и медленные движения. И лишь, пожалуй, жесты его рук, непримиримо сжимавшихся в кулаки или коротким, но резким движением прерывавших в споре собеседника, выдавали всю его страстность и силу в тех случаях, когда он сердился, считая что-нибудь ложным, недостойным или несправедливым.

В нем не было той внешней могучести, которую редкое от природы здоровье придает порой ничем, кроме того, не примечательным старикам. Его сила была силой духа, выдержавшего в жизни многие испытания и не согнувшегося и перед последним испытанием — старостью.

Во второй половине его долгой жизни в судьбе его народа стали одна за другой происходить перемены, во имя которых он и ошупью и сознательно боролся всю первую половину своей жизни, не предвидя, конечно, полной их меры. Он прожил сорок три года до револю-

ции и сорок три года после нее. Эта вторая половина жизни была тоже бурной.

Достаточно просто подумать, чем была Абхазия в 1917 году и чем она стала, чтобы представить себе, из каких беспрестанных трудов, забот и борьбы состояла жизнь человека, составившего первый абхазский букварь, напечатавшего первые абхазские стихи, написавшего на своем языке первую пьесу и первый роман, открывшего первый театр и создавшего первые академические труды по истории своего народа.

Эта удивительная жизнь мальчика из абхазской деревни, молодого сельского учителя девяностых годов прошлого века, ставшего сначала великим просветителем своего маленького народа, а потом писателем и поэтом, известным в громадной двухсотмиллионной стране, — такая жизнь, конечно, граничит с подвигом, а может быть, и является им.

У меня есть старая фотография Дмитрия Гулиа. Он стоит на ней в черкеске, коренастый, широкоплечий, мужественный и вооруженный. Губы твердо сжаты. Глаза строго и прямо смотрят на тебя. Таким он ездил по горным селениям, по просьбе крестьян ввязываясь в их жестокие земельные споры с маленькими полуфеодалными абхазскими князьками. Такого его, простого сельского учителя, побаивались в открытом споре эти князьки, в то же время стараясь воткнуть ему нож в спину — и буквально и при помощи доносов царским властям.

Сколько было прожито с тех пор! Сколько было сделано! Но вспоминая этого, прожившего на свете восемьдесят шесть лет, очень старого человека, я все-таки смотрю на его молодую фотографию. В ней есть что-то такое, что определило всю его дальнейшую жизнь.

1962 г.

«НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТИЦА СВОЕГО НАРОДА»

Прошло четыре года, я снова в Абхазии, и мне хочется приписать еще несколько страничек к тому, что тогда, четыре года назад, в апреле 1960 года, я писал из далекого Ташкента, узнав там о смерти Дмитрия Иосифовича Гулна.

Я живу на самом берегу моря, в селе Гульрипш, совсем недалеко от маленькой белой каменной дачи, построенной в последние годы жизни Дмитрия Иосифовича. Он приезжал сюда, когда она строилась, а потом, в разные времена года жил в ней, сидел в погожие дни на той маленькой веранде, мимо которой я хожу по два раза на дню на почту и с почты.

В этом году зима здесь была небывало жестокая, померзли и эвкалипты, и мимозы. Зеленая живая ограда вокруг беленькой дачки поредела, расступилась. Я иду мимо и вижу за деревьями гостеприимное широкое крыльцо и низкую балюстрадку веранды, и мне все так и кажется, что сейчас я увижу там, на знакомом месте, в знакомом деревянном жестком кресле старого человека, сидящего лицом к морю.

Этому повторяющемуся ожиданию несколько не мешает то, что этого человека нет на свете уже четыре года и я хорошо знаю об этом.

Видимо, просто этого человека очень уж не хватает на этой земле многим людям, в том числе и мне, любившему эту землю через этого человека.

Дар привлекать к себе сердца — это еще не самый высокий человеческий дар. Гораздо выше — дар привлекать сердца людей не к себе, а к тому, что ты любишь, к тому, во имя чего ты живешь.

Дмитрий Иосифович Гулна в высшей степени обладал этим даром, и сейчас, через несколько лет после его смерти, для меня это еще очевиднее, чем было при его жизни. Идут годы, и законы памяти делают свое дело. Неотвратимо удаляются, стираются черты лица ушедшего, все труднее оживают в ушах неповторимые интонации его голоса, исчезают то те, то другие подробности живого общения с ушедшим; подробности, которые, как тебе еще недавно казалось, никогда не исчезнут.

Все это так. А вместе с тем, вдруг, оказывается, что любовь, вселенная в твою душу ушедшим человеком, любовь к тому, что он любил сам и ради чего жил — не ослабевает в тебе с годами. Ибо то, что он любил — эти люди, эта земля, эта природа, — все это живо и бессмертно. И страстная любовь старого человека ко всему окружавшему его миру, любовь, в которую он властно втягивал всех, кто соприкасался с ним, эта любовь жива. И в этой любви жив он сам. Прежде всего, жив именно в ней, в этой любви.

Мы часто говорим, что ушедший писатель живет в своих книгах. Это, конечно, верно. Но это далеко не полное выражение всей истины. Ушедший писатель живет в своей любви к народу и земле, и книги его — это, все-таки, лишь часть этой любви, хотя и самая большая по своему значению. Но есть у нее и другие части — цепь человеческих поступков, совершенных в разные годы, и постепенно сложившихся в биографию, проявления характера, постепенно сложившиеся в неповторимый облик. Наконец, другие люди, в которых он своими книга-

ми, словами, поступками вложил в течение долгой жизни что-то свое, оставшееся в них и после его смерти — эти люди тоже как бы часть ушедшего от нас человека — он живет и в них тоже.

Мне иногда вдруг кажется, что я вижу Дмитрия Иосифовича Гулиа не только, когда я иду мимо этого беленького домика, на веранде которого он сидел глядя на море. Мне кажется, что я вижу его, когда я говорю с его земляками — с учителями, колхозниками, писателями. Он жил и умер, как неотъемлемая частица своего народа. И в то же время в духовном облике многих людей его народа встречаешься с чем-то таким, что кажется тебе частицей этого ушедшего человека, частицей его взглядов, принципов, характера.

Очевидно, такое ощущение может возникнуть лишь тогда, когда человек не только жил среди народа и с народом, но и на протяжении своей большой и долгой жизни оказывал влияние на духовную жизнь народа, силой своего духа участвовал во всех переменах, совершавшихся в этой жизни.

Год назад мне довелось присутствовать в Сухуми на открытии памятника Дмитрию Иосифовичу Гулиа, поставленного над его могилой в самом центре Сухуми.

Это хороший памятник, стоящий на хорошем, людном месте — на перекрестке, среди зелени, а главное, среди вечно идущих мимо него людей.

Я смотрю на этот памятник и радуюсь тому, что он поставлен здесь. Радуюсь сходству вырубленных в граните добрых и вместе с тем строгих черт с теми живыми чертами человеческого лица, которые я так хорошо знал.

И в то же время, радуясь, что этот памятник поставлен, я с гордостью думаю, что Дмитрий Иосифович Гу-

лиа был одним из тех людей, сила памяти о которых в наименьшей степени зависит от поставленных им памятников.

Если человеку при жизни придавали большее значение, чем он заслуживал своими делами — ни гранит, ни бронза не в состоянии надолго преувеличить его заслуги в глазах людей. В этих случаях они только мнимые помощники. Мнимые и недолговечные, несмотря на всю крепость камня и металла.

Но если дела человека не умирают и не собираются умереть, тогда посмертный памятник ему служит для нас еще одним, хотя и далеко не главным, напоминанием о его живых делах.

С этим чувством я стоял в многотысячной толпе людей в день открытия памятника Дмитрию Гулиа. С этим чувством стоял около него и сегодня: хорошо, когда человек намного больше своего памятника!

1964 г.

□ □ □

Правление Союза писателей СССР поручило мне выступить от его имени здесь, в Сухуми, в Абхазии, в этот торжественный день открытия памятника Дмитрию Иосифовичу Гулиа, замечательному писателю и человеку — основоположнику абхазской литературы, и в этом качестве одному из видных зачинателей нашей многонациональной советской культуры.

Дмитрий Иосифович Гулиа — одно из самых светлых, благородных имен нашей литературы, а биография это-

го писателя, начавшего свой жизненный путь скромным школьным учителем и до последнего дня своей жизни оставшегося скромнейшим из скромных человеком, быть может одна из самых героических биографий нашей социалистической литературы.

Я не буду перечислять всего сделанного Дмитрием Гулиа за его долгую, полную непрестанных трудов жизнь. Я хочу сказать только одно, что эта жизнь была от начала до конца отдана своей стране и своему народу, и нет, пожалуй, ныне ни одной области абхазской культуры, в которой бы Дмитрий Гулиа не оставил заметного следа своей деятельности, не заставил бы долго и благодарно помнить о себе.

Этот памятник основоположнику абхазской литературы торжественно открывается ныне, сегодня, рядом с тем местом, где похоронен прах этого человека, в центре Сухуми, в самом сердце Абхазии. И это так естественно, так понятно, ибо, когда я сейчас говорю об этом, мне даже трудно мысленно представить себе другого человека, который бы с такой силой любил свою страну и свой народ, как любил их Дмитрий Гулиа, и который имел бы такое же бесспорное право быть похороненным в сердце этой маленькой страны, которую он так любил и на благо которой так неутомимо работал.

Мне хочется добавить к сказанному несколько слов от себя лично.

Я люблю Абхазию, и у истоков этой любви стоит память о Дмитрие Гулиа, стоит светлый облик старого, мудрого, необыкновенно доброго, необыкновенно чистого человека. Я очень хорошо помню этого человека живым, улыбающимся, уже обремененным годами, но еще полным душевных сил... И мне как-то трудно привыкнуть к мысли, что пройдет какое-то количество минут,

упадет покрывающая памятник ткань, и я увижу гранитное лицо человека, чье живое лицо я, кажется, видел еще так недавно и так близко.

И я думаю о том, что как бы ни был крепок гранит, он долговечен все же только тогда, когда долговечны те живые человеческие дела, которые при жизни сделал тот, чье гранитное лицо мы видим после его смерти.

И в этот торжественный день, когда мы отдаем дань памяти ушедшему от нас замечательному человеку, мне радостно думать о том, как по-прежнему живы и молоды его дела, его книги, творения его большого таланта, ясного ума и чистого доброго сердца.

1963 г.

Я вспоминаю как большое счастье то, что на протяжении десятка лет у меня была возможность разговаривать, видаться с человеком, славное столетие которого мы сегодня отмечаем. Для меня, как, наверное, и для очень многих, с кем он встречался, Дмитрий Иосифович был не только человеком большого обаяния, таланта, прекрасной души, но и примером, образцом служения своему народу.

Истинный сын народа, служитель его интересов, он был подлинным интернационалистом. И то, как празднуется его юбилей, кажется мне полным глубокого смысла. Характер торжеств отвечает характеру творчества поэта. Его чествование началось в Тбилиси, продолжа-

ется в Абхазии, а закончится в Москве. И в Москве мне предстоит приятная обязанность председательствовать на юбилейном вечере, посвященном столетию Дмитрия Иосифовича, которое состоится в октябре этого года в концертном зале имени Чайковского. Я хочу пригласить на этот вечер верную спутницу жизни поэта — Елену Андреевну. Москвичи будут очень рады ее видеть.

Пользуясь случаем, я хочу от имени всего многонационального, многоязычного племени советских писателей передать большой привет земле Дмитрия Гулиа.

1974 г.

□ □ □

Пример жизни и деятельности Дмитрия Гулиа — есть высокий пример органического сочетания страстной любви к своей земле, к своему абхазскому народу, и столь же глубокой интернационалистической убежденности, что только на пути дружбы его народа с другими народами ход развития нашей многонациональной советской культуры подтверждает ту высокую истину, что малых народов нет! Есть народы немногочисленные, способные создавать большую культуру и большую литературу, лучшими своими произведениями входящую в сокровищницу мировой культуры и литературы.

Когда мне приходилось в разных обстоятельствах объяснять за рубежом, что такое советская многонациональная литература и советская политика в области культуры, я приводил пример литературного и культурного подвига Дмитрия Гулиа — сына стотысячного аб-

хазского народа, — творившего всю свою жизнь на языке своего народа, но в первую очередь благодаря переводам на русский, грузинский и другие языки нашей многонациональной родины, овладевшего сердцами миллионов людей во всех уголках нашей страны и перешагнувшего за его рубежи.

А дальнейшее развитие абхазской литературы, появление в ней все новых и новых талантов, чьи произведения приобретают известность далеко за пределами Абхазии, свидетельствуют не только о плодотворности того пути, по которому шел Дмитрий Гулиа, но и о закономерности этого пути в условиях социалистического строя.

Одновременно и прекрасно и закономерно, что наш праздник, отмечающий столетие Дмитрия Гулиа и подтверждающий бессмертие его подвига, начался в Тбилиси, продолжается в Сухуми и завершится в Москве, ибо каждый из этих городов был для этого человека неотделимой частью понятия — Советская Родина.

Мне остается сказать о личном чувстве Абхазии для меня — это Дмитрий Гулиа.

Он — это море и эти горы, и эти тополя абхазские вдоль дорог. Он для меня — самое дорогое на этой земле. Я вижу его в людях этой земли, в его благородных и мужественных земляках, ради счастья которых он жил и творил всю свою жизнь до последнего своего дыхания.

1974 г.

□ □ □

Тут собралось много поэтов, поэтому, наверно, мы все почитаем стихи и каждый в свое время. Я тоже не хочу

быть исключением, потом тоже почитаю стихи, но вначале позвольте мне маленькое такое вступительное слово сделать.

Сейчас в Москве и вот здесь в Туле проходят вечера, Дни абхазской литературы. Они приурочены к 100-летию со дня рождения Дмитрия Иосифовича Гулиа — народного поэта Абхазии и основоположника абхазской литературы.

Я хотел бы вначале сказать несколько слов об этом удивительном человеке. Вот странно немножко, когда ты участвуешь в торжествах, связанных со столетием человека, которого ты хорошо знал.

Он был не только поэтом, прозаиком и драматургом, он был ученым и написал первую историю своей страны — Абхазии.

Этот человек в наше социалистическое время, начав работать еще до революции, стал просветителем в истинном смысле этого слова, просветителем своего народа. В каком-то смысле он был для Абхазии тем, чем для России, скажем, был такой человек как Ломоносов.

До последних дней своей жизни он писал, работал, был человеком живым, добрым, мужественным, неприимимым к злу. Его облик запомнился всем, кто знает его, память о нем очень велика в народе, его чтут абхазы, его столетний юбилей очень торжественно прошел в столице Грузии — Тбилиси. Это не только потому, что произведения его переведены на грузинский язык, но и потому, что он многие годы преподавал в Тбилисском университете, был видным ученым.

И вот интересно, что при стотысячном читателе на абхазском языке, который читает Дмитрия Гулиа и читает других литераторов абхазских, очень страстно, очень заинтересованно, Дмитрий Гулиа нашел огромную

аудиторию за пределами Абхазии, благодаря переводам на русский язык и на другие языки.

Произведения Дмитрия Гулиа вышли в нескольких миллионах экземпляров. Вот что такое на практике культурная политика советской власти, что такое на практике дружба народов, взаимообогащающая нас всех.

Говоря о Дмитрии Иосифовиче Гулиа, со столетием со дня рождения которого связан этот вечер, я должен сказать, что семена, брошенные им, упали на благодатную почву. В маленькой Абхазии выросла большая и интересная литература: и проза, переведенная на многие языки, и поэзия, которую можно часто прочесть не только в отдельных сборниках, в отдельных изданиях, вышедших на русском языке, но во всех наших периодических изданиях, где мы видим стихи и присутствующих поэтов. Это живая, расцветающая и серьезно работающая во всех жанрах литература.

Вот, так сказать, что выросло из тех первых зерен, которые заложили в эту благородную и благодатную почву Дмитрий Иосифович Гулиа и его товарищи, его соратники. Вот с чего мне хотелось начать этот вечер.

Мне хочется вместе с вами, вспомнив этого прекраснейшего человека, поприветствовать присутствующих здесь его живых наследников и товарищей, людей с ним друживших, несмотря на разницу в возрасте, любивших его и продолжающих его дело — пришедших на сегодняшний вечер абхазских друзей.

1974 г.

Мы отмечаем сегодня здесь, в Москве, столетие со дня рождения Дмитрия Иосифовича Гулиа, народного поэта Абхазии, ученого и писателя, человека поистине замечательного!

Дата, которую мы отмечаем, имеет большое принципиальное значение не только в масштабах Абхазии, не только в масштабах Грузии, но и в масштабах всей нашей многонациональной советской культуры.

Недаром столетний юбилей Дмитрия Гулиа начался Днями абхазской литературы в Грузии, в Тбилиси, где он некогда преподавал в Тбилисском университете, продолжался на его родине — в Абхазии и завершается здесь, в Москве, с участием наших абхазских и грузинских друзей и представителей других наших братских литератур.

На нашем вечере присутствуют Председатель Президиума Верховного Совета Абхазской автономной республики — Баграт Васильевич Шинкуба, Председатель Совета Министров Абхазской автономной республики — Шалва Михайлович Татарашвили.

Вместе с ними на нашем вечере — а до этого в целом ряде вечеров абхазской литературы в Москве — принимает участие весь цвет абхазской литературы — Иван Тарба, Шалва Цвижба, Алексей Джонуа, Константин Ломиа, Георгий Гублиа, Алексей Гогуга, Нелли Тарба, Шота Чкадуа, Хута Гагуа, Владимир Анкваб, Шалодия Аджинджал, Анатолий Аджинджал, Мушни Ласуриа, Джума Ахуба, Николай Квициния, Платон Бебиа, Виталий Амаршан.

Я не имею возможности, открывая вечер, характеризовать многогранное творчество этих талантливых лю-

дей, чьи имена я назвал, но я думаю, что о каждом из них будет справедливо сказать именно сегодня, что семена, посеянные Дмитрием Гулиа, пали на плодотворную почву и что мы в лице этих литераторов видим продолжателей того благородного дела, которое начал этот прекрасный сын абхазского народа.

На нашем вечере присутствуют большие друзья абхазской культуры и литературы, замечательные деятели грузинской литературы — министр культуры Грузии и замечательный композитор Отари Васильевич Тактакишвили, председатель правления Союза писателей Грузии Григол Абашидзе, один из основоположников грузинской советской поэзии Карло Каладзе.

Позвольте в их лице и в лице других наших, присутствующих здесь грузинских друзей приветствовать замечательную грузинскую культуру, древнюю и вечно молодую.

Я хочу также от нашего с вами общего имени — от имени москвичей, приветствовать приехавших сюда, в Москву, на этот праздник абхазской культуры представителей других наших братских литератур.

И наконец, хотя, может быть, с этого надо было начать, я хочу от всей души приветствовать присутствующую здесь жену основоположника абхазской литературы, его соратника во всех его трудах, глубокоуважаемую Елену Андреевну Гулиа...

Дмитрий Иосифович Гулиа, ученый и поэт, драматург и прозаик, автор первой абхазской школьной азбуки и первого абхазского романа, заложил основы большой и многообещающей литературы малого по численности, но сильного духом и богатого талантами абхазского народа, равноправного брата в нашей великой — интернациональной семье советских народов.

Дмитрий Гулиа был человеком, для которого его национальная гордость была неотъемлемой частью его советской гордости, и сам он говорил об этом так:

Я — абхазец!
Древние преданья
О моем народе говорят.
А его советские деянья
На знаменах золотом горят!
Я — абхазец!
Сын родных ущелий,
Сын земли,
Где пращуры лежат.
Всякий,
Кто идет к добру, как к цели,
Близок мне,
Как будто кровный брат!

Мне довелось близко на протяжении многих лет лично знать Дмитрия Иосифовича Гулиа, и для меня это большая честь — возможность открыть сегодня этот вечер, связанный с одной из первых столетних дат в истории нашей советской литературы, вечер, посвященный столетию со дня рождения Дмитрия Гулиа.
1974 г.

□ □ □

Здесь жил и работал человек удивительного мужества, большого таланта, душевной красоты.

Я принадлежу к числу тех, уже немолодых людей, кто помнит не только его литературный и общественный

подвиг, но и его самого, сидящим вон там — на маленьком балкончике этого дома, в том самом деревянном старом кресле; он любил сидеть там, поглядывая на улицу и поджидая друзей, которым предстояло, пройдя по двору, подняться наверх по этой узенькой лестнице и войти в его гостеприимный дом.

Мне кажется, что и сегодня он сидит и поджидает друзей. Их будет много в этом доме — и разных поколений, и разных наций, они долгие годы будут идти сюда, в гости к Дмитрию Гулиа...

1974 г.

□ □ □

Я тут уже, в общем, живу двадцать четыре года. Я приезжаю каждый год и от месяца до трех, до четырех живу здесь и работаю. Половина всего, что я написал за эти четверть века, в общем, написано здесь. Или почти половина — наиболее существенного.

Здесь очень хорошо работается мне, а кроме того, здесь очень интересно жить мне, русскому человеку, в этой маленькой автономной республике абхазской...

В Абхазии существует уже развитая абхазская литература. Я свидетель развития этой литературы. Я знаком с ее, ныне умершим, основоположником Дмитрием Гулиа, который создал на абхазском языке первую пьесу, написал первый роман и выпустил первый букварь и первую книгу для чтения для детей. Потом писал на своем языке превосходные стихи, которые разошлись в миллионах экземпляров в переводах на русский и другие языки. Таким образом, вышли за пределы Абхазии...

1974 г.

ВЫРУБЛЕННОЕ ИЗ КАМНЯ

В Москве, в Гослитиздате, на русском языке вышла в этом году превосходная, глубоко поэтическая книга — абхазский народный эпос «Приключения нарта Сасрыквы и его девяноста девяти братьев».

Книгу открывает предисловие одного из исследователей и собирателей нартского эпоса — абхазского ученого Ш. Инал-ипа. Радует, что это предисловие написано не только со знанием дела, но и с живой увлекательностью — добрые качества, которых еще так часто не хватает иным ученым и умным предисловиям.

Так же, как и замечательный древний азербайджанский эпос «Кёр-оглы», нартский эпос — проза, от времени до времени перемежающаяся стихами. Прозу на русский язык перевел писатель Георгий Гулиа, стихи — поэт Семен Липкин.

Я не знаю, к моему сожалению, абхазского языка и не могу судить о работе переводчиков, сравнивая тексты с точки зрения точности перевода, но с уверенностью могу сказать, что в русском переводе, по-русски это хорошая проза и хорошие стихи.

Однако сказать только это мало. Мне кажется, что в этой прозе и стихах о суровом богатыре Сасрыкве, которого мать не родила, а вырубил из камня и закалила в огне, чувствуется подлинный голос народных преданий, голос суровой и многотрудной истории маленького

по численности, но сильного духом, гордого и независимого народа. Книга дышит воздухом Абхазии, ее гор, ущелий и долин. В книге есть и горький дым очагов, и прозрачный холод горных ключей, и звуки осыпающегося под копытами коней, падающего в бездонность ущелий камня.

Мать вырубил богатыря Сасрыкву из камня, и это как бы с самого начала определяет характер главного героя богатырских сказаний. Но, если можно так выразиться, в книге вообще есть такое чувство вырубленности из камня всего того, о чем в ней повествуется. Герои абхазского эпоса не вылеплены из гипса, не вырезаны из дерева и не изваяны из мрамора. Они именно вырублены из того камня, которым их окружила природа Абхазии. И эта угловатая цельность присутствует во всех проявлениях их натуры — и в широте, и в самопожертвовании, и в храбрости, и в жестокости, и в гостеприимстве, и в неспособности забывать ни добра, ни зла.

Я не хочу пересказывать содержания книги. Для того чтобы получить о ней представление, надо просто прочесть ее — иного способа пока не придумано. Я хочу только дать представление о характере книги, как мне кажется, связанном с исторически сложившимся характером народа. Я не смею выдавать себя за знатока абхазской истории, но я много лет подряд подолгу жил в Абхазии, и у меня есть чувство, что я немножко знаю людей этой страны и поэтому в какой-то, пусть в небольшой, степени способен ощущать меру духовной близости тех или иных черт древнего народного эпоса к тем или иным чертам натуры и характера людей, с которыми я встречался, людей, живущих сейчас, сегодня, в современной Советской Абхазии. Это тем более так, потому что этот древний эпос был донесен до самых последних

десятилетий устно и, несмотря на всю силу традиций, в нем все-таки что-то отмирало, а что-то появлялось если не в самих сюжетах, то во всяком случае в характере и тоне их изложения.

Социализм сближает народы, и мы вправе говорить о перешагивающих через национальные перегородки, складывающихся на наших глазах, сближающихся и уже начинающих становиться традиционными общих чертах советского человека. Мне доводилось читать литературные статьи, в которых этот процесс порой начал выглядеть слишком простым, легким и быстрым. На самом деле этот процесс сложный, длительный и, добавлю, полный хотя и преодолимых, но противоречий. И сложный, и длительный, он и не может быть иным, потому что он добровольный, не насильственный, постепенно в разных обстоятельствах и с разной мерой силы осознаваемый как внутренне необходимый. Но по этому же самому при своей медленности — это процесс необратимый и глубоко прогрессивный с точки зрения национальных интересов каждого из народов, участвующих в этом общем процессе.

Когда мы говорим о постепенном рождении общих черт характера советского человека, идущего к коммунизму, этот процесс мне кажется общей копилкой (знаю, что, наверное, можно подыскать и другое, лучшее слово), в которую каждая национальная традиция несет все лучшее, все самое дорогое, общечеловечески ценное в ней, расставаясь с обветшалым, отжившим, вызванным в свое время к жизни теми или иными тяжелыми историческими условиями и постепенно отмирающим вместе с исчезновением этих условий.

Глубокое уважение к своим национальным традициям не имеет ничего общего с обожествлением их. В

традициях каждого народа (как русский человек, упомяну, что и в традициях русского) существуют отживающие черты, вовсе не заслуживающие канонизации, и проявление этих черт в складывавшихся на протяжении веков национальных характерах тоже отживает, если только не стараться их искусственно канонизировать. А впрочем, добавлю, что эта канонизация — исторически бесполезное занятие: жизнь, коммунистическое развитие общества все равно в каждом таком случае рано или поздно возьмут свое.

Возвращаясь к той книге, о которой я пишу, мне хочется подчеркнуть, что эта книга не является препарированной, осовремененной переработкой эпоса. Это не есть полный научный свод всех сказаний. Это, если можно так выразиться, избранное. Но в этом избранном есть все не только душевно близкое нам, но и душевно далекое, чуждое. В чертах характеров героев есть черты грубые, бесчеловечные, среди их поступков есть не только благородные, но и хитрые, мстительные, свирепые. В книге изображены черты быта не только привлекательные по своей чистоте и строгости, но и нестерпимые, неприемлемые для нашего современного сознания. И не надо закрывать глаза на то, что какие-то живучие частицы этих черт еще существуют в жизни.

Но главное в национальном характере то, что он кладет в копилку, о которой я говорил, мужество, стойкость, верность в дружбе и непримиримость к проявлениям душевной слабости — все это с большой и привлекательной силой живет на страницах этой старой, и в то же время молодой книги. И в этом и состоит ее главное обаяние.

Сказания о нартах сложились в сокровищницах народного творчества целого ряда народов Северного Кав-

каза. Они есть у осетин, у адыгейцев, у кабардинцев, есть и у других народов. Некоторые из них, например, осетинские нарты, мне доводилось читать, о некоторых других я знаю только понаслышке, и тут еще остается впереди та радость встречи, которую я испытал, читая абхазские нарты.

Читая эту книгу, невольно думаешь о том, какое богатство истории и какое своеобразие культуры стоит за плечами у каждого народа. Сорок лет назад, мальчиком, знакомясь с мифами древнего мира, я читал впервые в жизни великий миф о Прометее. И вот уже немолодым человеком, открывая страницы только что вышедшего в свет абхазского эпоса, я снова встречаюсь с Прометеем, потому что у абхазского народа тоже есть свой Прометей, которого зовут Сасрыква и который тоже совершает великий подвиг добывания огня для своего народа. И эта легенда по своей красоте, силе и многозначительности, по высоте своего человеческого духа ничем не уступает той, другой, читанной в детстве и давным-давно ставшей во всем мире неотъемлемой частью душевного богатства всякого сколько-нибудь прикоснувшегося к образованию человека.

И когда я думаю об этом, мне хочется возразить против той привычной терминологии, которую мы, не желая сказать ничего худого или обидного, так часто и так привычно употребляем — «большой народ», «маленький народ». Больших народов и маленьких народов нет, есть народы многочисленные и малочисленные. И это обстоятельство снова и снова подчеркивается каждым шагом вперед, который делает в развитии человечества наша коммунистическая культура, не на словах, а на деле борющаяся за истинное равноправие всех народов.

1962 г.

УДИВИТЕЛЬНОЕ РЯДОМ

Непосредственный повод к тому, чтобы написать эти заметки, — выход в издательстве «Советский писатель» в русском переводе Риммы Казаковой романа в стихах «Песня о скале», принадлежащего перу народного поэта Абхазии Баграта Шинкубы.

Роман в стихах — очень сложная и редкая поэтическая форма. Даже в истории такой богатой событиями поэзии, как русская, отнюдь не всякий год, а порой и не всякое десятилетие отмечено появлением романов в стихах. Такое произведение, коли оно пишется всерьез, требует многих лет усердного творческого труда и большого поэтического опыта.

«Песня о скале» — первый роман в стихах, свидетельствующий о новой ступени зрелости еще сравнительно молодой абхазской литературы.

Но, прежде чем говорить об этой талантливой и принципиально важной для абхазской литературы книге, мне хочется заглянуть в историю абхазской литературы и напомнить о том, как создавался тот общественно-литературный фон, на котором сейчас могут рождаться такие произведения.

Я позаимствовал для своих заметок название превосходного документального фильма, созданного Сергеем Образцовым. В применении к истории абхазской литературы это название как нельзя лучше идет к делу. Уди-

вительное в нашей многонациональной советской культуре существует рядом с нами, и мы порой сами так привыкаем к нему, что перестаем замечать его удивительность.

Я назвал абхазскую литературу относительно молодой. Можно назвать ее и просто молодой.

У абхазцев большая история и древняя, уходящая в глубину веков народная культура. Но первый абхазский букварь, который стал практически применяться в абхазских школах, был издан всего семьдесят шесть лет назад, в 1892 году. Его авторами были грузин Константин Мачавариани и абхазец Дмитрий Гулиа, ставший потом первым абхазским писателем.

Через двадцать лет после букваря, в 1912 году, вышла первая книжка абхазских стихов, принадлежавшая перу Гулиа. В начале двадцатых годов Самсон Чанба написал первое драматическое произведение для абхазского театра. Тогда же появился и первый, написанный Дмитрием Гулиа, абхазский рассказ. А через десять лет, в начале тридцатых годов, Иван Папаскири, ныне старейший писатель Абхазии, выпустил первый абхазский роман.

Итак, в результате самоотверженной просветительской работы за двадцать пять лет до Октябрьской революции создается первый абхазский букварь, а за пять лет до революции на абхазском языке выходит первая поэтическая книга. Одно от другого отделяет целых двадцать лет. При относительной медленности процесса нельзя не оценить всей значительности этих явлений в культурной жизни абхазского народа еще в тот, предреволюционный период.

Однако только Октябрьская революция, вызвав к жизни глубинные силы народа, дав ему национальную

самостоятельность и мощно утвердив его национальное самосознание, неимоверно ускоряет начавшийся культурный процесс, закладывает первоосновы национального языковедения и исторической науки и рождает бурно растущую национальную литературу.

Эта родившаяся в двадцатые годы литература сейчас, через исторически очень короткий отрезок времени, числит на своем счету сотни вышедших на абхазском языке поэтических и прозаических книг, десятки осуществленных на абхазской сцене драматических произведений и немало принадлежащих перу абхазских литераторов исторических, историко-филологических и критических работ.

Произведения Дмитрия Гулиа, Михаила Лакербая, Самсона Чанбы, Ивана Папаскири, Леварсы Квициниа, Леонтия Лабахуа, Баграта Шинкубы, Алексея Ласуриа, Ивана Тарбы за эти годы чем дальше, тем больше начинают переводиться сначала на русский и грузинский, а затем и на украинский, армянский, казахский и другие языки нашей страны.

Некоторые имена абхазских писателей — первым из них по справедливости следует назвать Дмитрия Гулиа — приобретают в стране весьма широкую популярность. Имена других абхазских писателей не столь широко известны, но и их книги на русском и других языках неизменно находят своего читателя и свое законное место в общественных и личных библиотеках в самых далеких от маленькой Абхазии уголках нашей страны. Некоторые из этих книг все чаще начинают переводиться и на иностранные языки.

Несколько лет назад сначала на абхазском, а потом и на русском языке, собранный и подготовленный к печати абхазскими учеными и поэтами, выходит абхазский

эпос «Приключения нарта Сасрыквы и его 99 братьев».

Такое издание — собранное, подготовленное и выпущенное усилиями собственных историков, фольклористов и литераторов, — свидетельство зрелости национальной культуры, крупное достижение и литературное и научное.

Сегодня в Абхазии, входящей как автономная республика в состав Грузинской ССР, около сорока писателей, профессионально занимающихся литературным трудом, из них более тридцати пишут на абхазском языке. В Сухуми выходит ежемесячный литературно-художественный и литературный журнал для детей. Страницы трех республиканских газет — на абхазском, грузинском и русском языках — тоже являются трибуной для писателей.

Сказав все это, надо обратить особое внимание еще на одно обстоятельство, бросающее свет на все остальное и подчеркивающее масштабы всего сделанного в абхазской литературе, а шире говоря, — культуре, за годы Советской власти. По своей численности абхазский народ невелик. У абхазской литературы всего несколько десятков тысяч читателей, читающих на родном языке. Надо ли говорить, что при таком сравнительно небольшом количестве читателей литература может быть жизнеспособной только при двух условиях: если в ее существовании заинтересован и читает ее весь народ, говорящий на языке, на котором она издается, и если эта литература равноправно входит в большую семью других национальных литератур, заинтересованных во взаимном развитии и взаимных переводах.

А теперь — о романе в стихах, написанном Багратором Шинкуба.

Действие этого романа разворачивается где-то при-

мерно в середине того двадцатилетия абхазской истории, начало которого отмечено появлением первого букваря, а конец — изданием первой книги стихов. Революционный подъем, предшествовавший первой русской революции, первые раскаты событий 1905 года — вот тот общероссийский гул эпохи, на фоне которого происходят все перипетии романа и приоткрываются своеобразные картины абхазской народной жизни того времени с ее социальными противоречиями, обычаями, страстями, предрассудками.

Сюжет романа, вернее его сюжетная канва, несет в себе черты романтической традиции. Главный герой романа — крестьянин Хаджарат, мстя за отца, приходит в столкновение с одним из дворянских абхазских родов. Вынужденный к этому обстоятельствами, герой проливает кровь насильника, уходит в горы, совершает ряд дерзких подвигов и в конце концов гибнет в неравной борьбе, так и не отдав себя в руки врагов.

Однако все это лишь канва сюжета. И происходит все это не в условно-романтических обстоятельствах, а во вполне реальной обстановке событий начала века и пробуждения абхазского крестьянства к борьбе против социальной несправедливости, которую олицетворяют для него одновременно и иноплеменные царские чиновники, и единоплеменные полуфеодалы абхазские князья и князьки.

Начиная как борец и мститель-одиночка, Хаджарат ходом обстоятельств превращается в защитника крестьян и смертельного врага абхазской знати. Первоначальные мотивы его бегства в горы постепенно стираются, отходят на второй план, у него появляются новые друзья и новые враги, и сам он становится фигурой, выража-

ющей уже не личный, а социальный протест против несправедливости.

Роман, начинающийся как романтическая история, не теряя своей поэтичности, превращается в широкое историческое полотно, в своего рода поэтическую энциклопедию тогдашней абхазской жизни.

Сквозь все события книги, как лейтмотив человеческой чистоты и огромной всепобеждающей власти чувства, проходит тема трагической любви Хаджарата и его возлюбленной Кварасы. Этой любви, написанной с большой поэтической силой, отданы многие из лучших страниц романа.

Форма романа в стихах, на мой взгляд, самая трудная из всех литературных форм. В значительной мере этим и объясняется ее редкость. Роман в стихах обязывает поэта, при соблюдении всех требований прозы, предъявляемых к сюжетному и многоплановому произведению, в то же время ни на минуту не утрачивать того постоянного поэтического напряжения, той постоянной, сквозь все другое звучащей мелодии стиха, без которых нет и не может быть поэзии.

Мне кажется, что Баграт Шинкуба в общем справился с этой труднейшей задачей, — быть может, за исключением некоторых глав, таких, например, как глава «Кабардинский князь», с их порой разрушающими стихотворную стихию излишними остросюжетными ухищрениями.

Мне хотелось бы также отдать должное переводчику поэмы Римме Казаковой. Такие крупные произведения, как это, у нас еще порой принято переводить коллективными усилиями: автор один, а переводчиков несколько. И даже при том, что каждый из них с тщанием выполняет свою часть работы, в итоге выходит, что авторский

голос в разных местах произведения звучит на несколько разных и непохожих друг на друга поэтических голосов.

Несмотря на трудности и при известных издержках, выданных ими, переводчик сумел сделать этот абхазский роман в стихах достоянием русских читателей и на больших его пространствах поднялся до истинно поэтического звучания.

1968 г.

Я редко занимаюсь переводами, но роман Баграта Васильевича заинтересовал меня. Это очень интересная книга. Хотя роман исторический, проблемы, поднятые в нем, должны волновать современников. Они привлекают внимание не только с точки зрения трагической истории убыхов — народа, который издавна жил в горах Западного Кавказа, пока жестокая судьба не забросила его в Турцию, а вслед за этим не раскидала по многим странам Ближнего Востока. Проблемы романа — это проблема Родины и человека, трагедия потери не только своей земли, но и своего языка, культуры, будущего.

Для меня, так же, как и для Якова Козловского, работа привлекательна и тем, что мы имеем возможность работать в кругу наших абхазских друзей, встречаться с автором, советоваться с ним.

1974 г.

□ □ □

У Шинкубы, помимо скитаний убыхов по Турции, еще и абхазский материал (убыхи — ближайшие соседи, сородичи абхазцев). В Абхазии я долго жил, люблю этот край и в долгу перед ним.

Вот несколько мотивов, которые заставили меня взяться за кропотливую переводческую работу.

1974 г.

□ □ □

Я рад возможности открыть читательскую конференцию по обсуждению романа замечательного писателя, народного поэта Абхазии Баграта Васильевича Шинкуба. Я давно знаком и с ним самим, и с его творчеством. Мне довелось писать предисловия к его поэтическим книгам и таким образом представлять поэта русскому читателю. Сам я вот уже двадцать пять лет подолгу живу и работаю в Абхазии.

Баграт Шинкуба — человек, очень хорошо знающий историю своего народа. Это ученый, причем серьезный. Работая над переводом этого романа, нам с Яковом Козловским пришлось и самим прочесть немало из истории.

Литература абхазская — молода, и накопление прозы для нее чрезвычайно важно. Это накопление начинается. И обсуждаемый роман является важным шагом не

только в творчестве Шинкуба, но и в самой абхазской литературе.

Убыхский народ оказался между молотом и наковальней. Сам роман написан с горькой мыслью о том, что та же участь могла постичь и абхазский народ, не пройди он другим путем. Перевод этого произведения был продиктован еще и необходимостью дать русскому читателю доступ к исторической правде о жизни и гибели этого, сегодня мало кому известного народа, исчезнувшего, с одной стороны, в результате политики султанских захватчиков, с другой — царских сатрапов. Это надо знать, ибо подлинный интернационализм основывается на правильном понимании истории, на знании ее.

1975 г.

О ПОЭЗИИ БАГРАТА ШИНКУБЫ

Думается, я не преувеличу, сказав, что нет у нас в стране абхазца, который не знал бы стихов автора этой книги, не помнил бы и не приводил при случае — в беседе или во время застолья — вошедшие в житейский обиход строки.

Уже два или три поколения абхазцев впервые встречаются со стихами Баграта Шинкубы еще на ученической скамье, в начальных классах школы на уроках родного языка.

Но есть в Абхазии люди, никогда не читавшие стихов Баграта Шинкубы и впервые услышавшие их из чужих уст, успев к тому времени перешагнуть на седьмой, восьмой, а то и на девятый десяток.

Абхазия страна долгожителей и одновременно страна поэтов. Стихи и песни сопутствуют здесь человеку всю его жизнь. И столетние абхазские крестьяне, встретившие революцию уже немолодыми людьми, опоздав обучиться грамоте, тем не менее держат в памяти и стихи своего ровесника, основоположника абхазской литературы Дмитрия Гулиа, и стихи таких молодых, еще даже не шестидесятилетних людей, как Баграт Шинкуба, и стихи совсем молодых людей, годящихся им во внуки и правнуки и продолжающих сегодня создавать поэзию на своем родном абхазском языке.

Со слуха запомнив, а потом отобрав то, что им полюбилось, старики как бы составляют в памяти свои собст-

венные, изустные антологии абхазской поэзии, выражая при этом устойчивую определенность вкусов, связанную с традициями земли и народа, обычаев и нравственных устоев.

Поэтическому вкусу стариков, в котором проявляется существенная сторона души народной, чужда поэзия невинная и неопределенная, поэзия получувств и полустрастей. Они любят стихи, где любовь — это любовь, ненависть — это ненависть, где, если уж горе, то такое, от которого чернеют, а если уже шутка, то такая, чтоб обжигала, как аджика, как та абхазская соль пополам с толченым красным перцем и пряными травами, без которой в Абхазии не едят ничего — ни мяса, ни сыра, ни хлеба.

Так вот, поэзию Баграта Шинкубы — за то, что в ней любовь — это любовь, ненависть — ненависть, горе — горе, а шутка — шутка, — любят в Абхазии и маленькие, образованные школьники, частенько к пятому классу, кроме своего родного абхазского языка, знающие еще и русский или грузинский, или оба сразу; и необразованные, в школьном смысле этого слова, но умудренные долгою школою жизни, древние по нашим понятиям, и не такие уж древние по собственным понятиям абхазские старики.

Я, говоря о поэзии, завел речь о стариках не только потому, что абхазское долголетие связано с воздухом гор и образом жизни людей, но еще и потому, что в стране долгожителей — одна из самых молодых литератур. В этой стране столетние старики старше первого букваря, а восьмидесятилетние — старше первых строчек стихов Дмитрия Гулиа, впервые оттиснутых в типографии.

Есть тут какой-то удивительно важный секрет в этом сочетании прочности традиций, уважения к возрасту и

молодости литературы. Живая, богатая талантами, не чуждающаяся ни новых литературных форм, ни новых языковых понятий, ни новых житейских проблем, она в то же время то видимыми, то невидимыми нитями, накрепко связана со старой и не меняющейся песней, многоголосной, возникающей в горах, за трапезой, за крестьянским столом; с песней или, точней, с песнями, которые знают и поют все.

И многоголосье это не только многоголосье разных тембров, это многоголосье разных поколений — молодых и старых голосов, незримо связанных не только общей песнью, но и стоящим за нею общим чувством родины.

Я забыл начать с того, с чего, наверное, следовало начать, что Баграт Шинкуба уже давно, целое десятилетие, носит высокое звание народного поэта Абхазии. Но ведь самая главная высота этого звания как раз и состоит в том, что стихи поэта знают и дети и старики. А в данном случае — так оно и есть. И я уже сказал об этом.

Эта книга вобрала в себя стихи Баграта Шинкубы из многих его книг, выходивших в разные годы на абхазском языке. Самые ранние из стихов, включенные в «Избранное», датированы 1933 годом, а самые поздние — семидесятыми годами. Между тем и другим лежит сорок лет — и жизнь!

Двадцать пять лет из этих сорока я, почти ежегодно, по несколько месяцев живу и работаю в Абхазии, и с достаточной долей уверенности могу сказать, что имею представление о путях развития абхазской литературы за эти годы. И о рождении в ней все новых и новых талантов, и о том, все возраставшем на протяжении этих лет значении, которое имеет эта литература в жизни абхазского народа, и о том, все более широком выходе

на суд всесоюзного читателя, в переводах на русский, грузинский, преимущественно на эти два, но не только на них, а и на другие языки нашей страны.

Автор этой книги принадлежит к числу тех моих товарищей по профессии — абхазских литераторов, которых я знаю на протяжении четверти века. Срок достаточно долгий для того, чтобы составить себе вполне определенное мнение не только о стихах поэта, но и о его личности. Тем более, что в конце-то концов у всякого серьезного поэта лучшие из его стихов как раз и есть сгущенное, до предела, выражение того самого главного, что составляет его человеческую сущность.

Баграт Шинкуба поэт серьезный, глубоко думающий о своих стихах и поэмах о днях нынешних и днях минувших; об исторических переменах в судьбе своего малого числом, но сильного духом народа, который всегда был удивительно самобытно талантлив, но с особой нравственной силой доказал это после того, как Великая Октябрьская революция открыла ему пути к русской, грузинской и мировой культуре. Пути, пять с лишним десятилетий тому назад начинавшиеся с азов, с букварей, с первых тоненьких книжек на родном языке.

Баграт Шинкуба по возрасту ровесник Октября. В моей памяти стоит военное время, когда, провожая в последний путь ровесников Октября, мы прощались с совсем еще молодыми людьми, едва успевшими написать свои первые строки, только начинавшими жить и любить...

Сейчас слова «ровесник Октября» мы относим к людям, которым под шестьдесят. За их плечами большая, многотрудная жизнь. Целая эпоха, и какая эпоха! Однако мне хотелось бы добавить, что когда мы говорим как о ровеснике Октября о поэте такого народа, как абхаз-

ский, народа, у которого именно после Октября возникли собственная литература, собственный театр, собственное изобразительное искусство, собственная историческая наука — то тут время как бы дополнительно спрессовывается. И у абхазца, которому еще нет шестидесяти, иногда, наверно, возникает чувство, что он вместе со своим народом прожил не несколько десятилетий, а несколько веков. Никогда еще, в досоциалистическое время, ни с каким народом не происходили столь стремительные перемены в его культурном развитии.

Мне думается, что этого нельзя выпускать из виду, когда мы читаем книги таких поэтов, как Баграт Шинкуба. В этих книгах отражена и вся стремительность перемен, и вся вера в будущее, и вся сила воспоминаний о прошлом, таком недавнем, словно оно неотрывно стоит за плечами.

Да так оно и есть! Потому что путь от босоногого мальчика из горной абхазской полуграмотной деревни до поэта, написавшего первый в своей литературе роман в стихах, до одного из образованнейших людей своего народа, историка и филолога — это не чей-то умозрительно сконструированный путь, а свой, собственный. И вся стремительность перемен, происходивших в народной жизни — это часть собственной биографии.

Народная опаска, как бы при этом стремительном движении не растерять того, что действительно было дорого в прошлом и осталось дорогим и сейчас, тех обычаев и нравственных правил, которые и в новое время не должны опасть, как старая кора, — это опаска трезвая, предусмотрительность не излишняя. Стремление сохранить и пронести неповрежденным в новое время все лучшее и благороднейшее в старых народных тради-

циях, все драгоценное в уроках народной истории свойственно поэтам и вообще художникам в широком смысле этого слова. И особенно сыновьям тех народов, чье движение из узких национальных, патриархальных рамок к широким горизонтам мировой культуры было столь стремительным — как это произошло в Абхазии.

Черта, о которой я сказал, память к историческим и нравственным традициям народа, стремление двигаться вперед, ничего не растеряв из того, что действительно дорого — в высшей степени присуща стихам Баграта Шинкубы. Он не раз возвращался к этой теме в своих стихах, но, пожалуй, короче и точнее всего высказался в маленьком восьмистрочии, написанном в 1965 году.

Горит очаг и пламя вьется,
Подбросить дров — не проворонь!
Из рода в род передается
Неугасающий огонь.
Хочу чтоб все беречь умели
Огонь, пришедший из веков,
Чей отсвет лег на колыбели
И на седины стариков.

За стихами всякого подлинного поэта обычно с достаточной явственностью встает его жизнь. Иногда встает почти как биография со всеми ее подробностями, а иногда только как некий конспект этой биографии, как ее суть.

За стихами Баграта Шинкубы читается жизнь, прожитая в неразрывной связи со своим родным народом, в гуще его кровных интересов, его страстей и дум — и в трудные годы душевных испытаний, и в радостные годы духовных завоеваний.

Хотелось бы заметить, сличая даты написания многих стихов Баграта Шинкубы и даты переводов и появления их на русском языке, что частенько одно от другого отделяют довольно долгие сроки. И дело тут не в том, что нерасторопны переводчики или издательства, — хотя, чего не бывает, бывает и так! Однако, мне думается, что в принципе стихи поэта, русского ли, абхазского или какого-нибудь иного, не должны переводиться на другие языки со слишком большой поспешностью. И, во всяком случае, не раньше, чем они станут устойчивым фактом родной поэзии для того круга читателей, до которого доходят эти стихи на своем родном, первоначальном, если можно так выразиться, языке.

Конечно, нет правил без исключения, но, в принципе, думается, что, лишь войдя в обиход читателя своей родной литературы, стихи, в естественной последовательности, могут начинать жить второй жизнью, будучи переведены другими поэтами на другие языки.

В сущности, если задуматься, любая наша книга стихов, переводимая на другой язык, и может и должна быть книгою «Избранного». А для того, чтобы избрать то, что хоть немного отстоялось во времени и в сознании читателя, нужно как раз время! Не всегда слишком долгое, но все-таки время.

Повторяю, могут быть и бывают исключения. И все же нельзя забывать об этом правиле, справедливость которого обращена лицом к читателю поэзии и имеет в виду прежде всего его интересы.

Баграт Шинкуба принадлежит к тому уважаемому мною большинству поэтов, которые не склонны проявлять в этом смысле не украшающую истинной поэзии торопливость. Для него прочное проникновение того или другого его стихотворения в поэтический обиход читате-

ля, читающего их на родном языке, предшествует последующей мысли о том, что, быть может, эти стихи окажутся фактом поэзии и на другом языке, в переводе с абхазского.

Несколько лет назад Шинкуба написал стихи, которые называются «Перед памятником Дмитрия Гулиа». В этих стихах, посвященных основоположнику абхазской литературы, поэт представляет себе своего старшего собрата не памятником, а вдруг вновь оказавшимся на земле живым человеком.

— Зачем ты вернулся к нам на землю? Чего ты захотел? — спрашивает поэт.

И отвергая все другие предположения о том, зачем он вернулся на землю, Дмитрий Гулиа говорит о самом главном, ради чего он жил на свете.

— Нет, — ответил седой поэт, —
Захотелось увидеть свет
Ради высшего чуда на свете.
Тише! Слышите, невдалеке
На родном своем языке
Книгу читают дети!..

Зная автора книги, к которой пишу это предисловие, я не мог не задуматься над этими словами, вложенными им в уста Дмитрия Гулиа. Ибо эти слова — его собственный символ веры в поэзию.

Баграт Шинкуба не обижен ни переводчиками, ни критикой. Над переводами его стихов на русский и грузинский языки работали прекрасные поэты. Его роман в стихах — «Песня о скале», — сначала переведенный на русский язык, привлек затем внимание украинских кинематографистов и превратился на экране в романтичес-

ский фильм-поэму. Явление достаточно редкое и знаменательное.

Разумеется, для Баграта Шинкубы, как для поэта, важно и радостно появление «Избранного» на русском языке. Но для меня, пишущего предисловие к его «Избранному» очень важно знать об авторе, что его не сделали бы счастливым никакие переводы на другие языки, если бы раньше, до этого, его стихов не читали дети на своем родном — абхазском.

Все самое существенное, что я мог сказать об этой книге и ее авторе, сказано. Мне остается повторить, что ее переводили многие и разные русские поэты. И раз они — поэты, то, естественно, что они, переводя, прибавили к тому видению мира, которое было у автора, свое собственное видение и собственное чувство. Каждый свое — без этого они не были бы поэтами!

Добавлю и другое. В книгу вошли стихи, написанные за сорок лет: и, наверное, читателю так же, как и мне самому, одни из них полюбятся больше, другие — меньше; одни взволнуют, другие оставят равнодушными. Если говорить правду, то так бывает при встрече со всякой книгой стихов, собранных за сорок лет жизни.

Но цельность, сила и нравственная чистота, которой проникнута эта книга от первой и до последней ее страницы, для меня несомненна. Она и есть главное в облике поэта, стихи которого вам предстоит прочесть.

1975 г.

ЗАКОНОМЕРНЫЙ ПУТЬ

В издательстве «Молодая гвардия» в серии «Жизнь замечательных людей» вышла книга об основоположнике абхазской литературы, замечательном писателе и общественном деятеле Дмитрие Гулиа.

Эта биографическая книга носит не совсем обычный подзаголовок: «Повесть о моем отце». Книга написана сыном того человека, которому она посвящена, писателем Георгием Гулиа. Это наложило на книгу своеобразный отпечаток — непосредственности воспоминаний, душевной теплоты и лиризма.

В то же время сама личность Дмитрия Гулиа — личность по-своему эпическая; его биографию нельзя рассказывать в отрыве от истории абхазского народа, одного из малых по численности народов нашей страны, обретшего после Октябрьской революции свободу, независимость, автономное государственное устройство, создавшего свою самобытную талантливую литературу.

Дмитрий Гулиа ровно половину своей долгой жизни — сорок три года — прожил до революции, в царской России. Еще тогда, в тех тяжелых условиях он стал начинателем новой литературы на родном абхазском языке. Он был школьным учителем, автором букварей, автором первых книг стихов на абхазском языке, первым собирателем абхазского фольклора, первым собирателем материала для истории Абхазии.

После революции и после создания автономной Абхазской республики Дмитрий Гулиа не покладая рук до самой глубокой старости работал над развитием родной культуры. Те возможности культурного расцвета, которые раскрылись перед малым по численности абхазским народом с приходом Советской власти, вдохновляли Дмитрия Гулиа на неустанный, безудержный труд и в литературе. Он работает над усовершенствованием абхазского алфавита, пишет историю Абхазии, пишет труды по истории абхазского языка, создает русско-абхазские словари, пишет учебники для абхазской школы, переводит на абхазский язык «Слово о полку Игореве» с русского языка и «Витязя в тигровой шкуре» — с грузинского, пишет первую в истории абхазской литературы пьесу «Призраки» и первый и замечательный по своему реалистическому мастерству абхазский роман «Камачич», в центр которого смело ставит женщину, сильную, и самостоятельную.

Наконец, выпустив свою первую книжку стихов еще до революции, он в 20, 30, 40 и 50-е годы выпускает все новые и новые сборники стихов и на склоне лет, перешагнув далеко за семьдесят, создает целый ряд шедевров поэзии.

Именно в эту пору его стихи начинают все шире и шире переводиться на русский язык и другие языки нашей страны и выходят в этих переводах тиражами, размеры которых во много раз превышают общую численность абхазского народа.

На склоне лет Дмитрий Гулиа приобретает многомиллионного читателя — яркий пример того, как литература малого по численности народа в условиях подлинного равноправия социалистических наций не знает пре-

град для выхода к самому широкому многонациональному читателю.

Книга о Дмитрии Гулиа повествует о долгой жизни, полной неустанных трудов, и до конца, без остатка отданной народу. Начав свою жизнь народным учителем, став еще до революции одним из первых просветителей своего народа, принимая после революции участие во всех социалистических преобразованиях жизни своего народа, своей родной Абхазии, убежденный сединой Дмитрий Гулиа на склоне лет вступил в партию коммунистов.

Человек, о котором написана эта книжка, был действительно замечательным и неповторимым человеком. Однако при всей неповторимости его личности в его жизненном и творческом пути была строгая закономерность; художник, всю жизнь целиком живший интересами своего народа, всю жизнь шел одним путем с этим народом.

Замечательная личность, замечательная жизнь, замечательная, и в то же время типичная судьба художника, который — плоть от плоти своего народа.

1963 г.

□ □ □

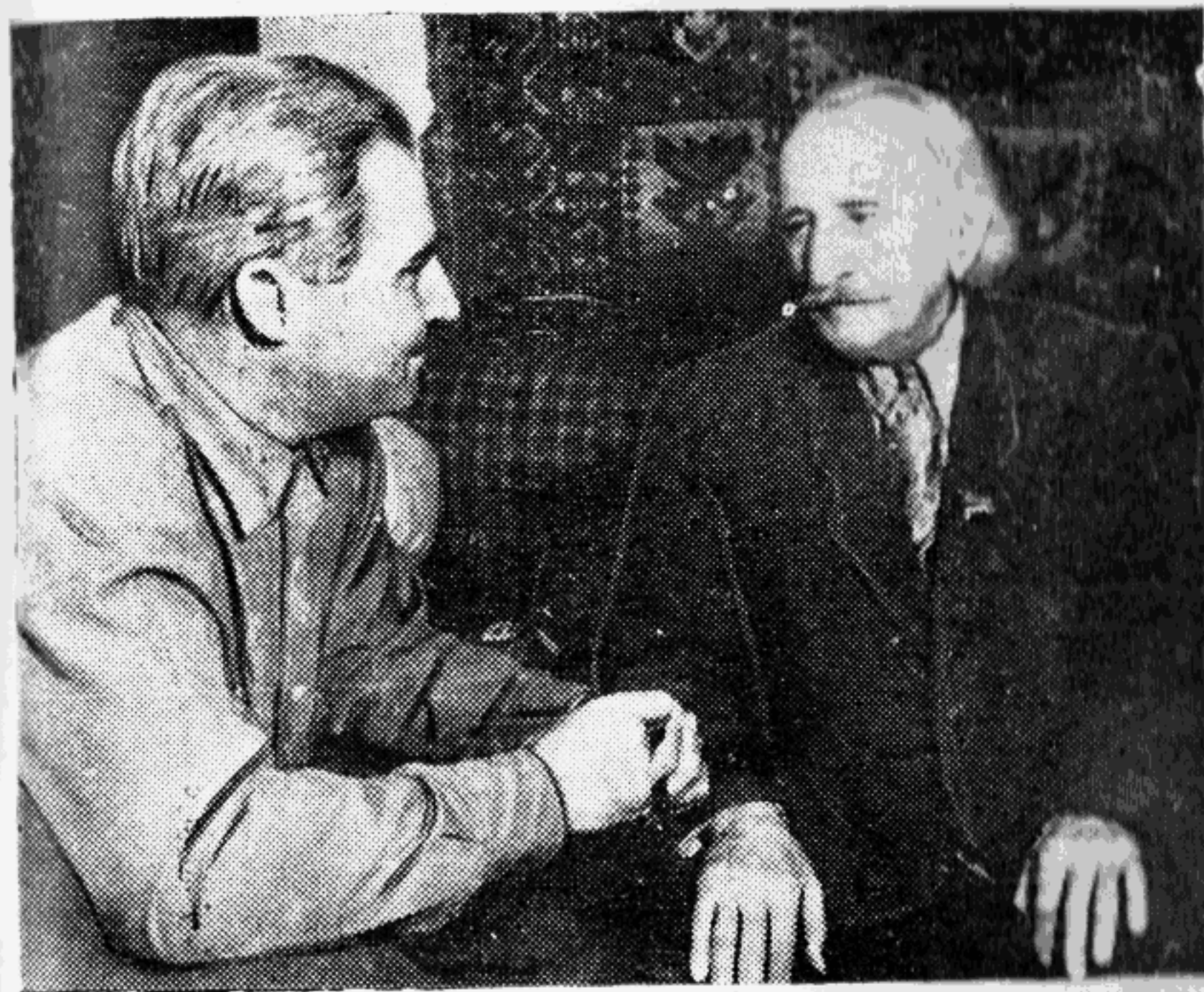
Алексей Ласуриа — прекрасный поэт. Я сознательно не говорю о нем, хотя он умер, что он был прекрасным поэтом. О настоящих поэтах всегда говорят — он есть. Потому, что настоящая жизнь поэта — это его стихи. А его стихи не были, а есть. Они существуют, живут и действуют.

Я, как русский поэт, вспоминаю Литературный институт в Москве, в котором мы оба учились в разное время. В те времена, когда я учился, это было до войны, моим товарищем и соседом был человек тоже прекрасный, из этих мест — Л. Квициния. А Алеша учился на пятнадцать лет позже меня и на пятнадцать лет позже кончил институт. В моем представлении, хотя его нет, он остался совсем молодым. Человеком, нашей поэтической надеждой, и не только надеждой абхазской поэзии, но и надеждой всей нашей большой поэзии, потому что поэзия в нашей стране — к счастью, благодаря тому, что мы все работаем над тем, чтоб переводить друг друга... — это что-то такое, чем мы дышим вместе все и в России и в Абхазии, везде.

И стихи Ласурна, стихи, которые переведены на русский язык, я читал по-русски, но я помню и знаю — они переведены на грузинский язык и на другие языки нашей родины. Это наше общее достояние всех народов нашей страны.

И еще мне хочется сказать в этот день: мне как-то странно, я впервые в жизни присутствую, когда открывают памятник человеку, который моложе многих из нас по годам. Моложе меня, совсем молодому. И вот я думаю о том, что, открывая этот памятник и вспоминая этого прекрасного поэта и отличного человека, надо вот о чем еще нам подумать. Конечно, пусть поэзия каждого хорошего поэта живет как можно дольше. Но пусть и поэты живут подольше.

1969 г.

В гостях у Дмитрия Гулна. Сухуми, 1954 г.

К. Симонов и В. Ажаев с семьей Д. Гулия. Сухуми, 1954 г.

Кавказ играл совершенно особую роль в истории русского общества и русской литературы.

Кавказ XIX века — это Пушкин и Грибоедов, это Лермонтов и Толстой, это декабристы — Одоевский и Бестужев-Марлинский, это значительная часть лиц, входящих в наше сознание в пушкинское окружение, это первые, часто романтические страницы русских литературных связей с Кавказом.

Кавказ, в особенности первой половины XIX века, — это место военной службы многих русских людей, тогда же, в годы своей службы на Кавказе, или впоследствии прославивших себя в истории русской культуры.

Колонизаторская политика русского царизма по отношению к горцам Кавказа ставила сложные политические и нравственные проблемы перед теми передовыми деятелями русской культуры, которые, будучи по долгу военной службы винтиками русской императорской военной машины, в то же время имели свой собственный взгляд на вещи — и на горцев Кавказа, в покорении которых они так или иначе участвовали, и на будущие судьбы России, и на императорский режим, и на современное им русское общество.

В особенно сложном положении оказались на Кавказе сосланные туда декабристы, разжалованные в солдаты и заново выслужившиеся из солдат в первые офицерские чины.

Небольшое по объему, но полное новых и интересных фактов и исторических наблюдений, исследование абхазского историка Георгия Дзидзария дает немало материала для размышлений над судьбами Абхазии и все-

го восточного побережья Черного моря во второй четверти прошлого столетия и над судьбами многих, чаще всего, не своей волей оказавшихся в то время в этих краях передовых людей России.

Декабристы в Абхазии — не только любопытная и пока еще недостаточно исследованная страница этого замечательного уголка нашей Родины, но и одна из сложных и трагических страниц в истории русской культуры.

Двойственность положения ссыльных декабристов: с одной стороны, их участие в военных действиях русских войск против исконных жителей края, с другой — их личное свободолюбие и свободомыслие и их прикованность к своим военным обязанностям, их взгляды на все происходящее, носившее на себе печать многих неустранимых противоречий, — обо всем этом думаешь, читая эту маленькую, но очень весомую по своему значению книжку профессора Дзидзариа.

И как знать, не подтолкнет ли она кого-нибудь из русских, абхазских или грузинских писателей к разработке этой же интереснейшей темы, но уже средствами художественными.

Я, во всяком случае, именно с такой мыслью закрывал эту книжку, которую мне от души хочется рекомендовать самому широкому кругу любознательных читателей.

1969 г.

Конечно, тяжело, когда уходят друзья из жизни. Особенно тяжело, когда они уходят молодыми. Ну, всем нам рано или поздно это суждено. И вот я думаю о том сегодня здесь: чего может поэт хотеть, уходя из жизни. Он хочет, чтоб его стихи долго звучали на его родном языке, в его родных местах. Он не мог думать об этом, но если он мог оттуда видеть то, что происходит, он бы порадовался тому, и горд был бы тем, что и школа в его родном месте названа его именем. Вот об этом я думаю сегодня.

А еще я вспоминаю время, когда мы были очень молодые, мы учились вместе в институте Литературном с Леварсой Квициниа. Он на год был раньше меня, он был в самом первом выпуске, я во втором. И он мне казался уже не таким молодым человеком. Потому, что все-таки ему было двадцать два, а мне всего девятнадцатый год...

А потом была война. Была война, в которой все воевали и на которую многие из наших друзей ушли, выполняя свой долг перед родиной, ушли из жизни. К их числу принадлежит Леварса Квициниа. И память о нем для нас осталась не только памятью о поэте, о товарище юношеских лет, но и памятью о человеке, одетом в военную форму, с винтовкой в руках отдавшем жизнь за родину в самые первые и тяжелые дни войны. Когда так поэт уходит из жизни, это гордая смерть. Хотя тяжелая для всех близких людей...

Мне хочется сегодня школьной библиотеке подарить свою книжку военных стихов, часть которых еще написана до войны, но тогда мы тоже думали о войне, еще

тогда, когда учились в Литературном институте. Но большую часть написал во время войны. Я подарю эту книжку, я надписал ее.

Мне хочется в заключение прочесть одно стихотворение свое. Оно посвящено памяти ушедших друзей. На войне. В том числе и памяти Леварсы. Называется оно «Фляга».

1973 г.

□ □ □

Иван Тарба широко известен в Абхазии и как поэт, и как прозаик. Известен он и русскому читателю — за последние двадцать лет на русском языке вышло несколько книг и его прозы и его стихов — так что мне нет нужды представлять его читателям «Литературной газеты». Мне лишь хочется отметить то новое и, на мой взгляд, любопытное, что наметилось в последней книге стихов Ивана Тарба «Книга песен», переведенной с абхазского на русский язык Яковом Козловским.

В этой книге Иван Тарба, как мне кажется, нащупывает новый для себя путь использования народной традиционной поэзии. Он не стилизует свои стихи под старые народные песни, не подражает их форме, не увлекается архаикой. Секрет его книги в другом: он как бы переводит на язык современной лирики то, что слышал в детстве и юности, переводит то, что переводимо, то, что в духовной сердцевине не обветшало и не может обвет-

шать, ибо связано с такими чертами народного духа и нравственных традиций, которые живут не осыпаясь на наших глазах, как прошлогодняя листва.

Сборник «Книга песен» это современная лирика, современные стихи о любви, дружбе, разуме. И в то же время в них слышится отзвук тех старых песен, судьба которых — оставаться молодыми.

В поэзии много разных дорог — на то она и поэзия; тем она и отличается от железнодорожного пути, по которому поезда идут в затылок друг другу. Иван Тарба своей новой книгой стихов вступил на новую для себя дорогу. Обычно доброго пути желают тем, кто начинает. Но, наверно, не грех пожелать его и тому, кто, давно и плодотворно работая, находит в себе решимость углубиться в новые поиски.

1973 г.

О МУЗЕЕ В ЛЫХНАХ

Двухэтажное здание полной средней школы в абхазском селе Лыхны еще не старое, но уже и не новое. Лет двадцать назад оно было одним из первых школьных зданий, построенных в селах вместо прежних одноэтажных деревянных школ. Там, где старое на новое меняли попозже, школы и современные, и красивые, — просторнее. Но, с другой стороны, школа в Лыхнах все-таки одна из первых сельских десятилеток в Абхазии — школа с традициями и стоит на историческом месте. Перед нею расстилается огромная поляна, на которой происходят традиционные скачки и конные игры, куда съезжаются со всей Абхазии наездники, а вдали, на той стороне поляны, виднеются развалины разрушенного в середине прошлого века дворца владетельных князей Абхазии. В старину не Сухуми, а именно это село Лыхны было столицей Абхазии. Отсюда множество упоминаний о нем в исторических и в этнографических работах и в фольклоре.

Лыхненская школа, хотя она, как я уже сказал, не так просторна, нашла все же место для собственного школьного музея, созданного на общественных началах. Говоря о народных музеях, мне не хочется употреблять прилагательного «самодеятельный» ибо ведь в начале всех начал все музеи в той или иной мере «самодеятельные». Самодеятельность, увлеченность, собирательский

пыл — обычно ложатся в первооснову того, что потом становится музеем, маленьким или большим, местного или государственного значения.

Лыхненский школьный музей создали школьники и учителя, потратив на это несколько лет собирательского труда. Все, что сейчас разместилось в одной из самых больших комнат школы на первом ее этаже — школьный музей по признаку принадлежности. Потому что он сделан школой и в школе. Но по принципу охвата он выходит за школьные границы.

Как и из многих других сел, из Лыхны в годы Великой Отечественной войны ушли на фронт почти все способные носить оружие мужчины и, как всюду, многие не вернулись. Война глубоко пропахала сельскую память, и не удивительно, что значительная часть школьного музея в Лыхнах отведена страницам истории, связанной с Великой Отечественной войной.

Стенды с письмами, с треугольниками, пришедшими с фронта, с извещениями о гибели, сообщениями о наградах. Фотографии — последние предвоенные и военные, присланные с фронта, и первые послевоенные, только что вернувшихся в родное село, еще не снявших форму. Эта часть музея как бы стала сосредоточенным в школьном доме общественным архивом лежавших раньше по домам реликвий, связанных с памятью об ушедших на войну. Драгоценные для каждого из осиротевших домов, они доверчиво отданы в руки школьников и их наставников. И соединенные вместе дают представление о том, как пошло на войну село Лыхны, что на ней сделало и кого потеряло.

А рядом с этими стендами — стена фотографий, уводящих в более далекое прошлое, в первую мировую войну, когда многие лыхненцы воевали с немцами — были

тогда кавалеристами, и воевали только в кавалерии. Некоторые из этих давно уже немолодых людей, вернувшись с той, первой мировой войны, еще и сейчас собирают чай, растят табак и кукурузу, и при встрече с тобой на улицах села обычно обманывают тебя своим видом, кажутся лет на двадцать моложе своего действительного возраста.

Многие экспонаты музея связаны со временем их юности и детства, с началом этого и концом прошлого века. Предметы крестьянского обихода и орудия труда, образцы старой посуды, одежды и обуви тоже занимают свое место в школьном музее. Одни из этих предметов быта окончательно ушли в прошлое. Другие, такие, скажем, как старая очажная цепь, на которую подвешивают котел, где варится мамалыга, до сих пор можно встретить в крестьянском дворе. И какая из этих очажных цепей старше — та, что висит в музее, или та, на которой вчера вечером висел котел с горячей мамалыгой, — никто, пожалуй, не скажет.

Стоит на полке в школьном музее, в данном случае скорее как раритет, чем предмет сельского быта, и столетней давности тульский самовар, в свое время попавший в Лыхны, в какую-нибудь, наверное, более состоятельную семью, самовар, добравшийся сюда из Тулы, но так и не занявший своего места в здешнем крестьянском быту, отчасти потому, что здесь охотнее выращивают чай, чем пьют его. Думается, что такие раритеты интересны в этом музее тем, что они как бы оттеняют устойчивость быта, помогают увидеть черту, отделяющую устоявшееся от случайного.

А из окна комнаты, в которой расположился школьный музей, видно Лыхненское поле, и на том конце его — развалины княжеского дворца. Этот оконный проем со

всем, что сквозь него видно, тоже как бы вписывается в музей, делается его составной частью.

Конечно, маленький музей в Лыхнах это прежде всего — история и этнография. Но мне хотелось бы добавить, что мир народного быта — это как бы двери, ведущие тебя дальше, в мир народного искусства. Не знаю, как — кому, а мне этот маленький музей помогает чувствовать и абхазскую песню, и абхазский народный танец — их истинность, их мужество и их сдержанность.

1976 г.

Милый Георгий Дмитриевич!

Это письмо Вам передаст Виктор Яковлевич Типот ... мой большой друг. Он занесет Вам это письмо без всяких особенных целей, просто я думаю, что Вам обоюдно приятно будет познакомиться — ему с Вами, а Вам с ним.

Соблазненный моими рассказами, он думает пожить недельку — другую у нас в Абхазии. Пользуюсь случаем для того, чтобы написать Вам, что в нашем доме Вас любят и помнят, и Вас и всех Ваших, и желают Вам самого большого счастья, а также и здоровья. Кроме того, Вас любят и помнят еще в одном доме на углу улицы Чехова и Пушкинской площади. Помнят там также, что Вы не покладая рук сидите над новой повестью. Помнят и надеются, что эти наши мысли вполне соответствуют действительности.

Крепко жму Вашу руку. Целую руку Вашей маме. Большой привет отцу и Тане. Когда увидите Ирину Степановну, привет ей от моего имени.

Еще раз обнимаю Вас, дорогой, и от души желаю успеха и прежде всего в работе.

Ваш Константин Симонов.

20.VIII.1948 г.

Дорогой Георгий Дмитриевич!

Так как я срочно отбываю за границу и, очевидно, месяца на полтора, а в связи с этим, к великому моему прискорбию, не сумею попасть в Сухуми, — прошу Вас взять на себя диктаторские полномочия и утвердить архитектурный план моего «палаццо» целиком по Вашему усмотрению и вкусу.

Во-вторых, прошу тем же порядком утвердить и смету расходов. Для осуществления оной перевожу в Ваше распоряжение 20 000 рублей. Учтите мое горячее желание иметь в Сухуми Ваш дом, который одновременно являлся моим, и мой дом, который будет являться Вашим.

Крепко жму Вашу руку, дорогой мой. Передайте мой самый сердечный привет папе, маме и Танечке.

Неизменно Ваш Константин Симонов.

22.IX.1949 г.

Многоуважаемый Михаил Матвеевич!

Я прочел подстрочник поэмы абхазского поэта Баграта Шинкуба «Новые люди». Как мне думается, подстрочник дает очень отдаленное представление об оригинале, однако при этом сразу видно, что поэма явление незаурядное и по ее размаху и по талантливости автора.

Недавно в Сухуми ездила в командировку заведующая отделом братских литератур «Литературной газеты» Зоя Сергеевна Кедрина. Она в связи с поэмой Шин-

куба сообщила мне некоторые существенные сведения. Копию этой докладной записки направляю Вам — прочтите ее.

Почему я пишу Вам: мне кажется, что если Издательство решит издавать поэму — а мне кажется, что это будет очень доброе дело, — то, учитывая все обстоятельства, наиболее правильно было бы, на мой взгляд, в этом случае отправить переводчика в командировку на 2—3 месяца в Сухуми, чтобы он там вместе с автором взялся за этот перевод. Или напротив, чтобы автор приехал сюда, ибо если дать перевод по этому подстрочнику, то можно загубить очень важное дело.

Уважающий Вас К. Симонов.

6 июня 1951 года.

Дмитрию Иосифовичу Гулиа

Дорогой наш добрый друг,
Дети дарят Вам сундук,
Не простой сундук, дорожный,
Чтоб с ним ездить было можно,
Через реки и поля,
От Сухума до Кремля.
В сундуке двойное дно;
Сделано затем оно,
Чтоб от всех домашних тайно
Димку брать с собой случайно,
Чтобы всем на чудо

Бабушкам и мамам
Вдруг в Москве оттуда
Выпрыгнул он прямо.
Дарим также столик малый,
Ставить чтоб на одеяло —
Если женщин взявшись слушать,
Вдруг решившись не вставать —
Вы могли в постели кушать,
И, между прочим, выпивать.
Дарим также миски — обе
Исключительно для лоби,
Для сациви или пхали, —
Мы специально их искали.
Если ж будут Вам давать
Курицу вареную,
Просим, в миску чтоб не класть,
В нами подаренную.
Извиняемся плачевно,
В том, что рюмка столь мала,
Но увы, Елен-Андреевна
Дарить больше не дала.
Есть еще и чашка чайная,
Но это так уж — вещь случайная,
Вы вниманье на нее
Реже обращайтесь,
И что дарим Вам ее —
Москвичей прощайте.

Константин Симонов.

1954 г.

Дорогой Георгий Дмитриевич!

До сих пор не могу прийти в себя от обиды, что не попал в Сухуми!

Наше семейство обнимает Вас через Аральское и Каспийское моря, а также через Кара-Кумы, Кара-Сейтлиева и Кайсына Кулиева, все Ваше семейство во главе с Таней!

Мой и Ларисы Алексеевны низкий поклон папе и маме!

Не знаю, что мне готовит будущее в смысле поездок — если удастся выскочить туда к Вам, предупрежу.

Еще одна просьба: в Сухуми приехала из Японии искусствовед и график, прекрасный человек Варвара Дмитриевна Бубнова. Она в свое время там нам очень помогала, а я помогал ей вернуться на родину. Она живет в Сухуми у сестры, и вообще пишет, что все хорошо, ее и в Союз художников уже приняли и т. д. Но так как она не из плакальщиц, то я думаю, а вдруг не все так уж хорошо, но только не пишет.

Словом, дорогой Георгий, навестите старуху, поглядите ее работы и как она живет. Я думаю, что Вам самому будет очень интересно. Старушка замечательный и замечательно знающий японское искусство человек.

Вот такая просьба!

Черкните мне как живете! Передайте наш сердечный привет Вашей жене.

А также передайте мое мужское рукопожатие Диме, который, наверно, уже косая сажень в плечах и вполне подготовлен к тому, чтобы идти в капитаны дальнего плавания, к ужасу своей мамы, хотя она и есть самая

мужественная женщина во всей Абхазии от Гагры до Очамчира.

Жму Вашу руку, дорогой.

Ваш Константин Симонов.

1959 г. 8.IX.

П. С. Адрес Бубновой такой: Сухуми, Тбилисское шоссе, № 4.

Сухуми. Союз писателей

В день 90-летия со дня рождения одного из самых замечательных людей советской литературы Дмитрием Иосифовича Гулиа хочу пожелать Вам, своим дорогим друзьям и товарищам по работе, писателям Абхазии, больших творческих успехов во славу абхазской литературы, у колыбели которой стоял Дмитрий Иосифович.

Ваш Константин Симонов.

Москва, 19 февраля 1964 года.

Многоуважаемый Валерий Алексеевич!

В предвидении обсуждения на редакционном совете издательства планов редакционной подготовки и выпуска книг на 1970-71 годы я бы хотел внести предложение о включении в эти планы с выпуском в 1971 году одного томника избранных стихов народного поэта Абхазии Баграта Шинкубы.

Я позволяю себе это сделать, так как целое десятилетие регулярно бываю в Абхазии, внимательно слежу за ее литературной жизнью, и в частности за творчеством Баграта Шинкубы, о последней работе которого, о романе в стихах «Песня о скале» мне довелось в прошлом году выступить со статьей на страницах «Правды».

В сравнительно молодой абхазской литературе, начинателем которой был Дмитрий Гулиа, Баграт Шинкуба наиболее крупный представитель ее второго, но уже старшего литературного поколения.

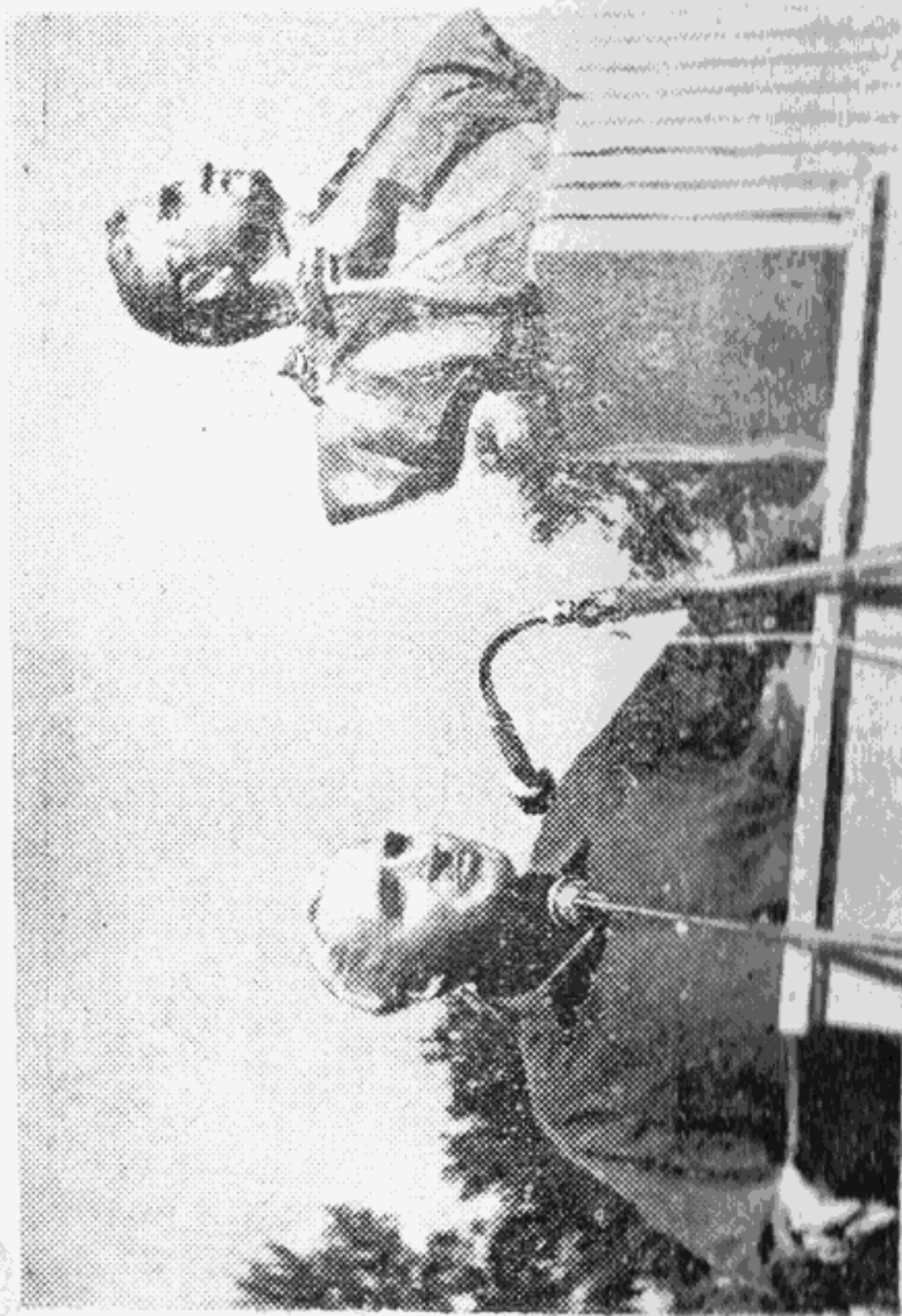
Это поэт разносторонний, обращавшийся в поэзии к малым и к большим формам, но все же не будет заблуждением сказать, что он главным образом поэт эпического дарования. Свидетельство тому его наиболее крупные работы — романы в стихах «Мои земляки» и «Песня о скале».

В обоих этих произведениях, так же, впрочем, как и в небольших поэмах и стихах Шинкубы, широко выражена народная жизнь Абхазии, и в давние времена, и в последние десятилетия нашей жизни.

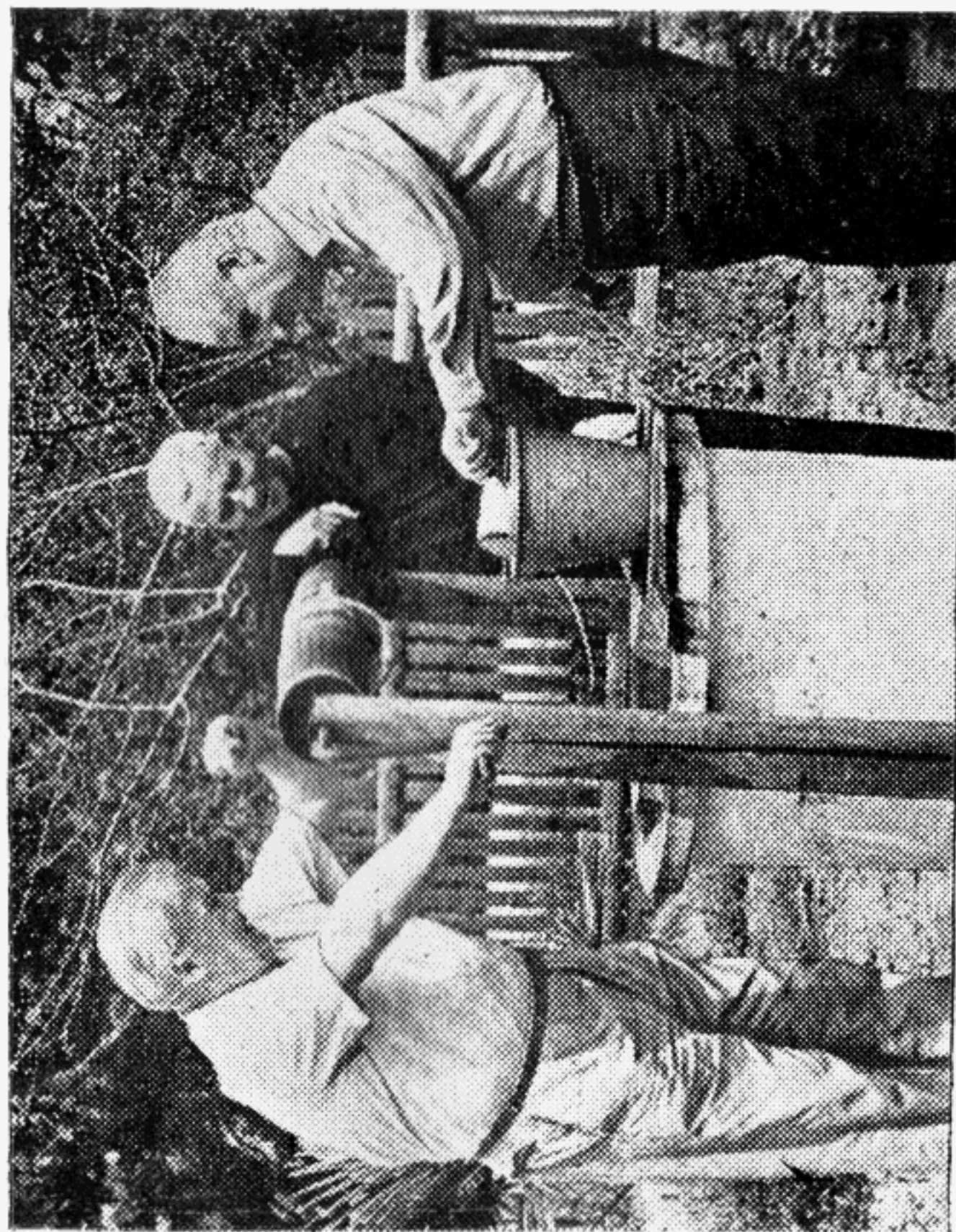
Надо вообще сказать, что в Абхазии старое как-то особенно тесно переплелось с новым. Строгое соблюдение древних народных традиций соседствует с высокой современной образованностью народа, со страстной тягой к знаниям и культуре, с вполне современным укладом жизни.

Все это находит свое выражение и в поэзии Баграта Шинкубы, делая ее в Абхазии чтением всех слоев народа и всех поколений, от самого старшего, отличающегося долголетием, и до молодежи — студентов и школьников.

Как свидетельствуют об этом и мои собственные ощущения, почерпнутые при чтении переводов стихов Шинкубы на русский язык, и многие статьи, напеча-

На открытии памятника Ахыко Ласури. Кутаис, 1969 г.

А. Твардовский, К. Симонов и Б. Шинкуба. Гульриш, 1969 г.

таинные в самой Абхазии о стихах Шинкубы и разбирающие достоинства оригинала — его поэзия очень гармонично живет как бы на стыке прошлого и настоящего, полная любви и понимания как исторических традиций народа, так и его современной жизни.

Прежде чем писать это письмо, я познакомился с составом однотомника, который Баграт Шинкуба предлагает в издательство. Он объемист, но я не очень представляю себе, как можно его сжать, потому что больше двух третей его объема составляют сейчас два романа в стихах. А без их публикации полностью не будет отражен эпический характер поэзии Шинкубы. В то же время его лирическая поэзия тоже заслуживает быть представленной в однотомнике. Без этого тоже трудно представить себе такую книгу.

Словом, я прошу рассмотреть вопрос о возможности включения ее в план и последующего ее издания, и прошу, при решении этого вопроса, на редакционном Совете, числить мой голос как члена редакционного совета за издание этого однотомника.

Остается сказать о возможных практических сроках издания, в том, что касается стороны, зависящей от автора и переводчиков. Все, что ныне представляет в издательство Шинкуба, полностью переведено на русский язык. И речь может идти лишь о тех или иных коррективах или может быть в отдельных случаях о замене некоторых переводов другими, лучшими.

Все это может быть предпринято в пределах уже, так сказать, текущей редакционной работы.

Хочу добавить, что если издательство будет заинтересовано в этом, я готов написать небольшую вступительную статью к однотомнику, в которой постараюсь сказать о поэзии Баграта Шинкубы на фоне общего

развития абхазской литературы и культуры, и если можно так выразиться, на фоне современной абхазской жизни, которую немножко знаю и о которой мне тоже хотелось бы сказать.

Эту небольшую вступительную статью я мог бы написать в течение одного, максимум двух месяцев, после того, как в издательстве окончательно определится состав того однотомника, к которому она будет писаться.

Не откажите мне сообщить, дорогой Валерий Алексеевич, о результатах этого письма.

С товарищеским приветом

Ваш К. Симонов.

27 мая 1969 года.

**Несколько рифм ко дню рождения
Татьяны Дмитриевны Гулия,
найденных в самолете по дороге из Москвы
в Гульрипш 29 мая 1969 года**

Клянусь, что не схалтуру я,
Что не в моей натуре
Зарифмовать здесь Гулия
С: бегу ли я.
С: в долгу ли я?
С: могу ли я.
Хотя бегу я
К Тане Гулия,

Хотя в долгу
У Тани Гулия
И не могу
Без Тани Гулия.
Характеры семейства Гулия
Срифмую с пчелами из улья,
С вином из рога, с верной пулей,
И как клинком по камню ж-ж-жикая,
Срифмую Гулия с аджикою!
Срифмую с чачей
И с апацхою,
С горячей
Дружбою абхазскою.
Стихами не торгую я,
Но в день рожденья Танин,
Собравшись в доме Гулия,
Мы рифм что ль не достанем?
Достаточно
Достанем,
До ста — точно
Дотянем!

Ваш К. Симонов.

Дорогой Георгий Алексеевич!

Я несколько раз звонил Вам, но как-то все неудачно, потому решил написать о тех впечатлениях, которые у меня сложились, когда я прочел Ваших «Декабристов в Абхазии».

Я прочел эту работу с очень большим интересом. Для меня в ней очень много нового, заставляющего еще раз заново обдумывать эту интересную и сложную эпоху,

эти драматические и в какой-то мере героические людские судьбы.

Меня очень привлекло в Вашей работе то, что Вы не обходите в ней острых углов, не боитесь тех сложностей, которые обусловлены двойственным положением декабристов на Кавказе — с одной стороны, противников николаевского режима, с другой — по долгу военной службы, его слуги в деле покорения Кавказа.

А впрочем, из таких противоречий вообще соткана история, и попытки их сгладить превращают соответствующие сочинения из кудрявых деревьев в гладко обструганные телеграфные столбы. А это, по-моему, не нужно.

В общем, повторяю, я прочел Вашу работу с большим интересом. А если говорить о каких-то соображениях и замечаниях, то соображение у меня, в сущности, одно: название работы не совсем соответствует ее содержанию. В ней отдано много внимания людям, которые соприкасались с декабристами, но не были ими, и это вполне закономерно и, больше того, это делает работу особенно интересной, но при этом входит в некоторое разногласие с названием. Может быть стоит над этим подумать?

Но если другого названия не подыщется, то может быть, во вступлении, на первой же странице, стоит сказать более отчетливо, что речь идет об освещении деятельности целого круга лиц, так или иначе, иногда по единомыслию, иногда по службе, связанных с сосланными на Кавказ декабристами.

А в общем-то, в конце-концов, это все не суть важно. Главное то, как много интересных фактов, интересных людских судеб проходит через Вашу всю работу.

Мне кажется, что если не целиком — может быть, это велико для них по объему, — то в значительной части та-

кую работу, как Ваша, можно опубликовать, скажем в «Новом мире». Я думаю, что Вы не посетуете на меня, если я дам почитать Вашу рукопись Александру Трифоновичу Твардовскому, который, по счастливой случайности, сейчас живет тут, неподалеку от меня.

Большое спасибо Вам, за ту радость узнавания нового, неизвестного мне, которую доставила мне Ваша работа.

Уважающий Вас К. Симонов.

14 июня 1969 года.

Дорогая Элисо Петровна!

Получил Ваше письмо.

Если Вы включите в однотомник Д. Гуля мои краткие воспоминания о нем, то целесообразно не удлинять их включением чего-то дополнительного, а, наоборот, сократить в них последний кусок, связанный с романом «Камачич», и в данном случае не идущий к делу. Предлагаю дать, таким образом, только воспоминания, сделав последним абзацем третий абзац снизу на пятой странице.

Посылаю Вам текст.

Если почему-либо в таком виде этот материал не подойдет издательству, я нисколько не буду в претензии, если он в данном случае использован не будет, а будет вместо него заказана критическая статья о творчестве Д. Гуля другому автору.

Разумеется, не буду иметь и против того, чтобы в книге было и то и другое — мои краткие писательские

воспоминания о Д. Гулиа и чья-то статья о его творчестве.

С товарищеским приветом

Константин Симонов.

5 июня 1973 г.

Дорогой Шалва Денисович!

Простите, что не сразу успел прочесть Вашу рукопись, был в Польше, а потом заболел воспалением легких.

Прочел пока болел, а пишу сейчас, когда встал.

Вашу работу о Дмитрие Иосифовиче прочел с большим интересом. Никаких сколько-нибудь существенных замечаний и предложений у меня нет, но я сделал некоторые пометки на некоторых страницах — там, где мне показались неудачными те или иные обороты, или там, где я чего-то не понял...

...Хочу добавить, что с большим интересом прочел после рукописи Вашу брошюру на столь многотрудную и столь злободневную современную тему. Очень было интересно многое читать в ней, и я лишний раз подумал о том, что вот так живешь-живешь столько лет в Абхазии, а так много еще не знаешь. Даже зло на себя берет.

Крепко жму Вашу руку, глубоко уважающий Вас

Ваш К. Симонов.

П. С. Рукопись или приложу, или пошлю одновременно с этим письмом.

20.I.1974 г.

Дорогой Баграт Васильевич!

Посылаю Вам рукопись Виталия Ивановича Шестакова, живущего уже длительное время постоянно в Псху. Это очень хороший и интересный человек, которого в Ваши родные края забросила судьба и который так прикипел к Абхазии, к Псху, к природе, к людям, к истории, что решил попробовать выразить свои наблюдения, чувства и знания в ряде очерков и зарисовок.

Я прочитал рукопись и написал Виталию Ивановичу, что, по моему мнению, это пока еще весьма сырой материал, из которого при дальнейшей работе может получиться несколько интересных очерков. Написал и о том, что попрошу Вас помочь ему в установлении деловых контактов с Сухумским книжным издательством, если, разумеется, материал Вам тоже покажется интересным. Хочется помочь человеку, придать ему уверенности в работе, открыть какую-то перспективу. И, конечно же, довести дело до конца ему будет проще и легче, работая дальше с учетом рекомендаций и пожеланий издательства. А работы он не боится, понимая, что надо еще очень много сделать, чтобы получилась пригодная для печати вещь.

Послезавтра уезжаю на месяц в Кисловодск. Написал для «Художественной литературы» предисловие к Вашей книге. Теперь на очереди — перевод. Дело задержалось из-за тяжелых личных обстоятельств у Яши Козловского, но сейчас он активно трудится, и, надеюсь, не за горами день, когда и это мое обязательство перед Вами будет выполнено.

Крепко жму руку.

Ваш Константин Симонов.

16.III.1974 г.

Дорогой Баграт Васильевич!

Спасибо Вам большое сразу за все. Прежде всего за книжку Вашего «Избранного». Сейчас заново прочитал ее на даче, по-моему, книжка хорошая, хорошо подобранная, и, в общем, добавлю, что я остался доволен и своим предисловием, которое на свежий глаз перечитал. Ваша гражданская и поэтическая позиция и Ваша последовательность в принципиальных для литератора вопросах позволили мне поставить и в предисловии некоторые, как мне думается, принципиально важные проблемы, выходящие за пределы этого предисловия к книге. За это я должен быть благодарен прежде всего Вам.

Пишу я Вам это письмо, сидя на даче среди московской мокрой оттепели. Пили вчера за праздничным столом Вашу прекрасную «Изабеллу», заедая ее копченым сыром и макая его в очень вкусное ткемали. Ваша дружеская забота тронула все наше семейство. А копченое мясо лежит пока в морозильне — не больно хорошо себя чувствую для того, чтобы поестъ его вволю, а отщипывать не хочется — не та натура. Подождем до следующего воскресенья.

В Сухуми, по дороге в Тбилиси мне, скорее всего, заехать не удастся на этот раз: все впритык, двадцать четвертого надо быть там, двадцать пятого открывается Совет по грузинской литературе, а раньше двадцать второго не могу выехать из-за сдачи картины. Прямо уж не знаю как и быть. Ну да ладно, еще поживем — увидим.

Крепко обнимаю Вас и прошу передать от меня и от всех моих домашних самый сердечный привет Тамаре Константиновне и всем, кто дорог Вашему и нашим сердцам.

Ваш Константин Симонов.

7.XI.1976 г.

Дорогой Баграт Васильевич!

Вернувшись из Кисловодска, был рад увидеть у себя на столе Вашу книгу и вместе с нею Ваше письмо. Рад тому, что семьдесят шестой год оказался для Вас важным и плодотворным. Единственный виновник этому — Вы сами, Ваш талант, Ваш характер, Ваше мужество — писательское и человеческое. А если я был Вам, в меру своих сил, полезен, то это не более, чем долг друга, и я рад, что какую-то часть этого долга выполнил.

Желаю Вам самого, самого доброго в наступающем году. Желаю радости и счастья всем Вашим близким, большим и маленьким, и ко мне присоединяются все мои — большие, и уже немаленькие, и еще совсем маленькие. В общем, все наши.

Обнимаю Вас.

Ваш Константин Симонов.

15.I.1977 г.

Дорогой Баграт Васильевич!

Очень рад за Вас — за то, как достойно Вашей деятельности прошел Ваш юбилей. Рад тем добрым отзывам, которые он породил, рад тому серьезному и глубокому уважению к Вам и Вашей работе, свидетельства которого я встречаю в различных, и не только литературных кругах. Всему этому я очень рад!

А грустно мне оттого, что я не смог приехать и обнять Вас в эти дни и обменяться с Вами дружескими рукопожатиями и сказать лично, а не заочно, то, что у меня на душе. Увы, врачи, по крайней мере на будущий год, а там — хотя они ничего хорошего и не обещают —

все-таки поживем увидим, нынче не разрешают мне ездить в Сухуми, как и вообще в другие места — жаркие и влажные. Хроническая пневмония, которую они у меня обнаружили, в этом году дала себя знать особенно жестоко, и поездка на конференцию в Болгарию, которую мне пришлось совершить середине очередного воспаления легких, довольно дорого мне обошлась. Хорошо хоть хватило сил все это время понемножку работать, и думаю, что к концу года допишу ту повесть, которую давно начал.

Сижу на даче, пока что на полупостельном режиме, и стараюсь как можно реже оказываться в городе. Завидую своим детям, которые летят сегодня в Гульриш и повезут с собою это письмо.

Обнимаю Вас, крепко жму Вашу руку. Целую руку Тамаре Константиновне, и самый сердечный привет всем Вашим близким — большим и маленьким.

1977 г.

Уважаемый Александр Давидович!

Что я могу сказать Вам в связи с Вашим письмом, где Вы в связи с Вашей работой над книгой о Георгии Гулиа высказали пожелание, чтоб я ответил на несколько Ваших вопросов? Сделать это не так-то просто, когда речь идет о человеке, с которым меня на протяжении тридцати лет связывают дружеские отношения, с которым, как с автором, я имел дело на протяжении нескольких лет в бытность мою редактором «Нового мира» и с которым, в добавок ко всему, еще несколько лет

вместе работал в «Литературной газете». Очевидно, сколько-нибудь подробные ответы на все Ваши три вопроса составили бы мои собственные воспоминания о Георгии Дмитриевиче Гулиа. Работа такая мне по душе, но очередь до нее пока что не дошла.

Спрашивается: чем же я могу быть Вам полезен? — а в силу своей дружбы с Георгием Дмитриевичем я хотел бы быть Вам полезен. Во-первых, очевидно, я могу быть полезен Вам, дав по крайней мере два совета: в архиве «Нового мира» — сороковых-пятидесятых годов, который, насколько я понимаю, находится в фондах ЦГАЛИ, есть, насколько мне помнится, подробные стенограммы редакционных бесед, связанных с работой над произведениями Георгия Дмитриевича, печатавшимися в ту пору в «Новом мире». В этих беседах участвовал и я, и сам Георгий Дмитриевич, — и я думаю, что Вы могли бы почерпнуть там кое-что полезное для себя. Насколько я помню, в этом фонде во всяком случае есть стенограммы бесед, связанных с работой над повестью «Добрый город». Это во-первых, во-вторых, в стенограммах заседаний редакционной коллегии или летучек «Литературной газеты», тоже, наверное, хранящихся в фондах ЦГАЛИ, содержится, очевидно, немало суждений Георгия Дмитриевича о разных литературных произведениях и литературных событиях и делах. Думаю, что и это Вам может пригодиться.

Что же касается третьего Вашего вопроса, предполагающего, что я, отвечая на него, напишу Вам о некоторых подробностях и некоторых своих наблюдениях, связанных с обликом и характером того человека, о котором Вы пишете книгу, то я предложил бы Вам следующее: несколько лет тому назад между мной и Георгием Дмитриевичем как-то зашел разговор о том, чтобы я на-

написал предисловие к его книжке рассказов. То, что я в результате написал, было сделано в полужутливой форме, предисловия к книге не стало, в качестве своего рода дружеского послания я сначала прочитал это Георгию Дмитриевичу, а потом отдал ему. Сейчас, отвечая на Ваше письмо, я перечитал эти шесть страничек, прошел по ним еще раз, и в том окончательном виде, который они приобрели теперь, прилагаю их к своему письму. Если Вам захочется привести их в своей книге, то я ничего не имею против этого при соблюдении двух неперемennых условий: во-первых, написанное должно быть приведено в этом случае полностью и, во-вторых, оно может войти в книгу только с согласия самого Георгия Дмитриевича. Я со своей стороны пошлю ему и копию своего письма к Вам, и эти шесть страничек.

Уважающий Вас К. Симонов.

13.VII.1977 г.

П. С. Уже написав Вам письмо, я подумал, что может быть, если Георгий Дмитриевич одобрит это мероприятие, есть резон дать эти шесть страничек в тот раздел журнала «Вопросы литературы», который называется «И в шутку, и всерьез». Думаю, что если даже это и состоится, — одно другому не мешает.

Милый Георгий Дмитриевич!

Посылаю Вам копию письма А. Д. Тверскому и те шесть страничек, о которых идет в нем речь. Решение во всех случаях, разумеется, за Вами. Черкните мне на этот счет несколько слов.

Сердечный привет маме, Вале, Марии Павловне, Тане, Диме. Вашим маленьким — теперь уже совсем большим.

Жму Вашу руку, Ваш

Константин Симонов.

13.VII.1977 г.

Правительственная

МОСКВА, ВОРОВСКОГО, 52, СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

С глубоким прискорбием восприняли трудящиеся Абхазии весть о кончине выдающегося деятеля советской культуры, Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской и Государственных премий СССР, активного борца за мир и дружбу между народами, писателя Константина Михайловича Симонова, с именем которого связана целая эпоха в развитии советской художественной литературы. Творчество Константина Симонова — это волнующая, яркая летопись трудового и ратного подвига советского народа.

Константин Михайлович питал большую любовь к Абхазии, к ее славным труженикам, находился в тесной дружбе с абхазскими писателями, живо интересовался их достижениями, его переводы познакомили с абхазской литературой широкие круги советских читателей. Для Константина Михайловича Абхазия была краем, где ему хорошо и вдохновенно писалось. Многие его произведения созданы в приморском поселке Агудзера,

ставшем отныне одним из памятных, священных мест Абхазии.

Трудящиеся автономной республики, как и все советские люди, испытывают в эти дни большую горечь утраты. Светлое имя Константина Михайловича Симонова, его выдающиеся художественные и публицистические произведения будут служить примером великой любви к социалистической Родине, воспитывать в каждом советском человеке патриотические и интернационалистические чувства, служить делу мира на земле.

АБХАЗСКИЙ ОБКОМ КП ГРУЗИИ
ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА
АБХАЗСКОЙ АССР
СОВЕТ МИНИСТРОВ АБХАЗСКОЙ АССР

г. Сухуми, Абхазский обком КП Грузии.
29.VIII.1979 г.

О Н Ж И Л У Н А С

Вместо послесловия

Впервые Константин Симонов приехал в Абхазию в самом начале 1948 года. В середине зимы этот солнечный край он выбрал не случайно. Ему хотелось забыться на некоторое время, отойти от столичной суеты, от напряженных редакционных дел (в то время он был редактором «Нового мира») и отдаться творчеству.

Шли первые годы мирного послевоенного труда. Многонациональная советская литература переживала новый этап своего развития. Естественной задачей, долгом каждого писателя стало отражение того героизма, который проявил советский народ в борьбе за освобождение своей родины, того самоотверженного труда, за который принялась его страна с первых дней Победы, поднимая из руин и пепла разрушенное народное хозяйство.

И Константин Симонов поставил перед собой пожизненную задачу — правдиво и не беспристрастно говорить всем людям земли о том, что он видел, пережил, почувствовал на фронтах Великой Отечественной войны...

В Сухуми К. Симонов остановился в гостинице «Абхазия». «Погода тут хорошая, неслыханно тепло и солнечно. Начинаем устраиваться на новом месте...» — пишет он в Москву.

Но даже тогда вряд ли он думал, что перед ним откроется такая земля, такие люди, что затем много лет спустя он напишет: «Я люблю этот край, люблю вблизи и люблю издали». Более 30 лет он будет приезжать сюда каждый год, и от месяца до 3-х, до 4-х жить и работать здесь. Половина всего, что напишет Симонов за эти три десятилетия, будет написана здесь, в Абхазии. Он тогда никак себе не мог представить, наверное, что здесь он приобретет верных и душевных друзей.

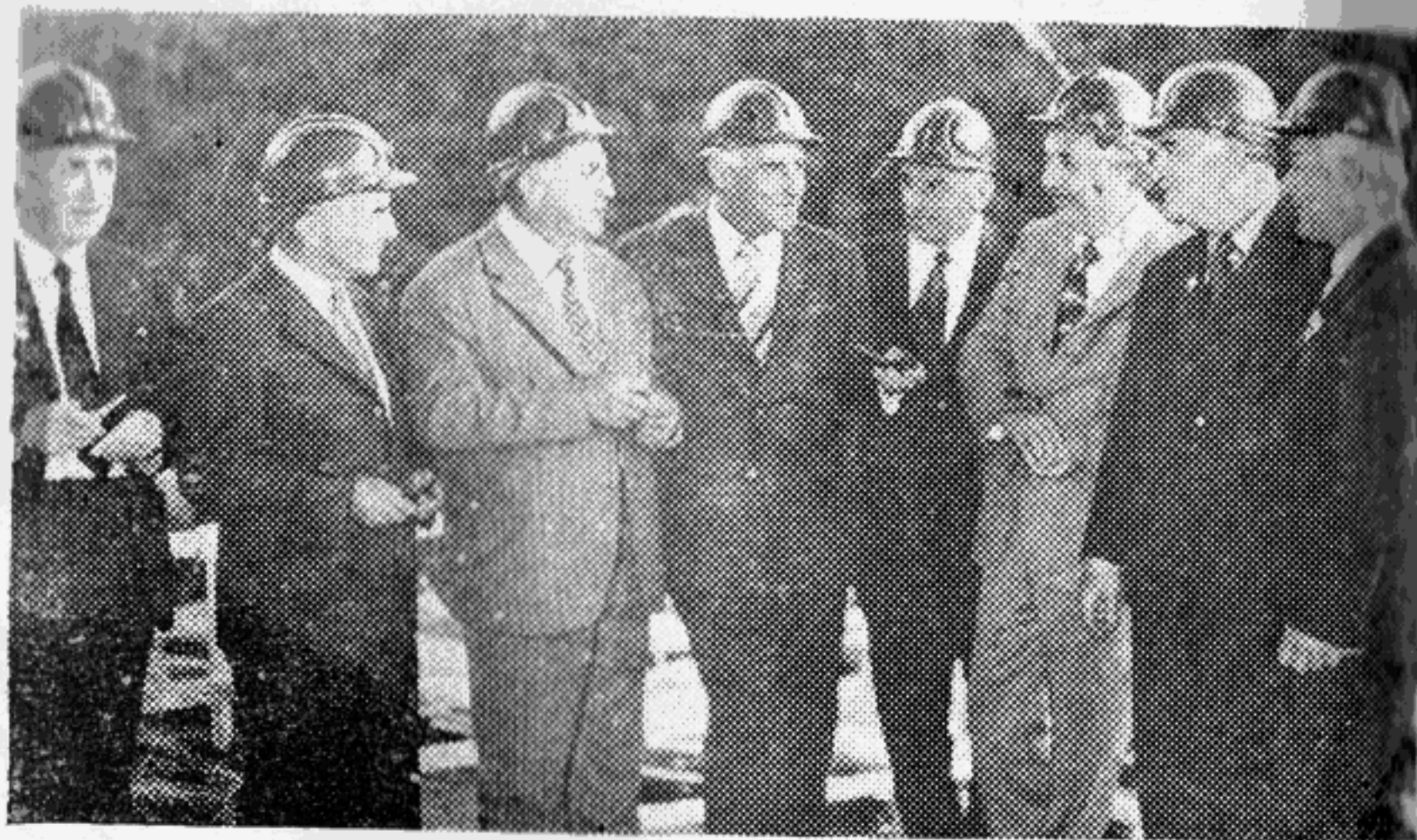
Настоящее знакомство с Абхазией у Константина Симонова началось с Дмитрия Гулиа — основоположника абхазской литературы. Патриарх принял гостей с той редкой простотой, которой он отличался от великого множества других людей. Об этой встрече, опять-таки спустя не один десяток лет, Симонов будет вспоминать: «С первых дней знакомства, а потом и душевной близости этот край был связан с именем и личностью Дмитрия Гулиа. Его дом стал для меня дверью в эту страну. В этом доме, построенном так, что, пожалуй, он был больше удобен для гостей, чем для хозяев, часто бывало шумно, потому что сюда приходило много людей. Врачи считали, что даже слишком много. Хозяин считал, что «нет».

С этих пор Константин Симонов приходил в этот гостеприимный дом не иначе, как в свою родную семью, и принимали его здесь, как сына.

А в доме Гулиа бывали почти все писатели, которые оказывались на Черноморском побережье Абхазии. Здесь хозяин дома встречался с А. Фадеевым, Н. Тихоновым, В. Ажаевым, А. Первенцевым, К. Фединым, Г. Табидзе, Г. Леонидзе, И. Абашидзе, Г. Абашидзе, Р. Гамзатовым, К. Кулиевым и др. Гости уезжали, но их здесь не забывали, долго о них вспоминали. Об этом

К. Симонов и Г. Гулиа. Гульрипш, 1970 г.

В дни празднования 100-летия Д. Гулиа. Слева — направо:
Ч. Джонуа, Ш. Игал-ина, В. Ксбахия, К. Симонов, Ш. Шакая,
О. Тактакишвили, И. Тарба, А. Джонуа, Ткварчели, 1974 г.

свидетельствует письмо Симонова к Фадееву, написанное в 1948 году из Сухуми: «Во-первых, сердечный привет тебе, дорогой, и не только мой, но и еще кое от кого из здешних жителей, хорошо помнящих тебя и огорчающихся, что ты много лет не приезжал сюда. Например, самый сердечный привет тебе от стариков Гулиа — я у них был, и они очень трогательно о тебе вспоминали».

К. Симонов, находясь на абхазской земле, несмотря на свою занятость, считает своим писательским и человеческим долгом ближе познакомиться с абхазской литературой, сблизиться с писателями Абхазии и по возможности оказать им помощь и поддержку.

Первые годы, когда Константин Симонов начал приезжать в Абхазию, хронологически совпадают со временем нарушений ленинских норм национальной политики в республике. Абхазская литература тогда пребывала в затруднительном положении.

Именно в этой обстановке Константин Симонов старался отобрать все лучшее из того, что было создано абхазскими писателями для своего журнала, для других публикаций, давая им выход к всесоюзному читателю. На страницах «Нового мира» публикуется цикл стихов народного поэта Абхазии Д. И. Гулиа «Человек в горах». При обзоре журнала на заседании секретариата СП СССР Константин Симонов так отзывался о цикле: «Среди этих стихов лучшее, по-моему, первое, давшее заглавие циклу... В самом деле, я давно не читал стихотворения, в котором бы так хорошо и так по-новому было бы сказано о дружбе, о ее силе и значении в нашей жизни...».

В журнале «Новый мир» публикуются также повести Г. Д. Гулиа «Весна в Сакене», «Кама», «Добрый город», «Черные гости». Из них «Весна в Сакене» была удосто-

на Государственной премии. К. Симонов знакомится с абхазскими писателями — И. Папаскири, Х. Бгажба, И. Тарба, А. Джонуа, Ч. Джонуа, А. Ласуриа.

Сам я впервые встретился с Константином Симоновым в 1948 году в Сухуми около гостиницы «Рица». Он шел туда обедать, а я случайно оказался рядом. Его спутники представили меня Симонову. Но знакомство наше ограничилось двумя-тремя словами, поскольку я отказался от предложенного обеда... Пишу и не могу освободиться от личных чувств к Симонову, поэтому, естественно, эти мои заметки несут на себе много личного. Я полагаю, что и другие абхазские писатели напишут о нашем друге свое, личное.

В 1950 году я завершил работу над «Новыми людьми». Этот первый роман в стихах в абхазской литературе с трудом был опубликован в литературном альманахе и тепло принят читателями, хотя и страдал немалыми недостатками, большей частью порожденными общей для всей тогдашней советской литературы бесконфликтностью, которая мешала глубокому анализу жизненного материала.

Издать «Новых людей» отдельной книгой стало невозможно. Единственным выходом из создавшегося положения становился перевод романа на русский язык и издание его в Москве. Я сделал подстрочный перевод и послал его в издательство «Советский писатель». Однако и здесь возникли препятствия, одолеть которые в обстановке тех лет я в одиночку не мог. Друзья посоветовали обратиться за помощью к Симонову, который тогда находился у нас. После долгих колебаний я направился в Гульрипш.

Это было осенью 1950 года. Константин Симонов встретил меня в своем небольшом рабочем кабинете.

Фактически это и было нашим первым знакомством. Как только мы сели, чтобы начать беседу, неожиданно к даче подъехала машина, из которой вышли гости. Пришлось отложить наш разговор, и гостеприимный хозяин позвал нас к столу. После обеда мы пили у камина черный кофе.

На второй день меня позвали к телефону (я тогда работал научным сотрудником Абхазского института). Звонил Константин Симонов. Он сожалел о несостоявшемся разговоре и сообщил, что завтра уезжает.

— Прошу Вас, все то, что хотели сказать мне, изложите в письме и пришлите, — сказал он мне по телефону.

Вскоре я написал Симонову письмо, к которому приложил мой обоснованный ответ рецензентам «Новых людей». Константин Михайлович попросил от издательства «Советский писатель» подстрочный перевод романа и прочитал его в самый короткий срок. Некоторое время спустя на имя директора издательства М. Корнеева поступило письмо Константина Симонова, где он пишет: «Я прочел подстрочник поэмы абхазского поэта Баграта Шинкубы «Новые люди». Как мне думается, подстрочник дает очень отдаленное представление об оригинале, и однако при этом сразу видно, что поэма явление незаурядное, и по ее размаху и по талантливости автора...» Константин Михайлович ставил вопрос о необходимости издания «Новых людей». Судьба моего произведения была решена. Издательство «Советский писатель» включает его в свой план. И роман под названием «Мои земляки» выходит в 1953 году.

Это событие было для меня жизненно важным. Стало легче дышать, более или менее регулярно начали печатать мои произведения.

И насколько я помню, когда бы ни приезжал Константин Симонов к нам в Абхазию, он меньше всего отдыхал. Как писатель он много и плодотворно работал. В иные дни, находясь на своей даче в Гульрипше, он нередко выезжал в разные уголки Абхазии, имел многочисленные встречи с различными людьми. Разумеется, Симонову не было отбоя в приглашениях, и порой застолья продолжались очень долго. Но Константин Михайлович, строго соблюдая обычай абхазского стола, терпеливо ожидал завершения. В этом отношении, как признавался сам Симонов, первое «крещение» его состоялось в моем родном селении Члоу, куда он был приглашен поэтом Алексеем Джонуа в дом своего отца Нестора. Жители села Члоу до сих пор вспоминают эту встречу. И больше всего им запомнилось то, что тогдашний гость в одну ночь одолел одного за другим трех бывалых толумбашей, не нарушая этикета стола. Действительно, Константин Симонов настолько хорошо усвоил тонкости нашего застолья, что нам, местным писателям, было трудно, а подчас и невозможно сравняться с ним.

Не только в Гульрипше, но и в Москве, в гостях у Симонова, мы не раз с удивлением и удовольствием отмечали, что в доме у него подаются по всем правилам приготовленные абхазские блюда.

Где бы я ни был вместе с Константином Михайловичем — в Москве, Тбилиси, Ташкенте, Сухуми или в гостях у наших крестьян в селах Абхазии, на скачках ли в Лыхнах, Ачандарах, Члоу или Арасадзых — везде я замечал, что он легко умел располагать к себе совершенно незнакомых людей. С добрым, но несколько задумчивым взглядом К. Симонов был сдержан в разговоре. Свою беседу он строил таким образом, что она тут же становилась душевной. Его всегда слушали с инте-

ресом. Но и он сам умел слушать своего собеседника. У Симонова всегда был какой-то неутомимый интерес к жизни, но не меньшую заинтересованность он проявлял к судьбам своих друзей. Вообще Константин Михайлович любил людей и умел делать добро широко, щедро и бескорыстно.

Мир человеческих отношений всегда был сложен; одни подбирают друзей из «нужных людей» и легко прощаются с ними, когда те становятся им не нужны. Такие люди быстро сходятся и так же быстро расходятся, не оставляя в душе друг друга никаких следов. Есть и другая категория людей, эти наверно пугающей. Они всячески стараются приблизиться к славе широко известного человека. В это время они забывают даже пакости, которые делали ему раньше, беззастенчиво поют дифирамбы, дают клятву о верности в дружбе, бессовестно лгут перед светлой памятью человека, которому исподтишка причиняли боль и страдание. Таких людей Константин Симонов инстинктивно распознавал и не открывал им своего сердца.

В 1957 году Константин Симонов оставляет Гульрипш в связи с отъездом в Среднюю Азию, временно прекращаются его ежегодные приезды в Абхазию. Но примерно через год мы вновь встретились в Ташкенте на конференции писателей стран Азии и Африки.

Помню, это было у театра имени Навои. Недалеко от нас журчали фонтаны. До заседания было еще нескоро.

— Вообрази, что мы в Гульрипше и стоим у самого берега моря! — сказал Константин Михайлович, рукой показав на фонтан.

И тогда в Ташкенте он с большой теплотой вспоминал Абхазию, говорил о друзьях, о незабываемых встречах с ними, интересовался творчеством абхазских писа-

телей, хотел знать, что значительного создано за последние годы. Он опять с грустью вспоминал Гульрипш, куда приезжал ежегодно более тридцати лет, оставался по несколько месяцев, сочетая отдых с большой творческой работой.

Я, видимо, опять вернусь в Гульрипш. Уж слишком глубоко засело это местечко в моем сердце! — скажал он в заключение нашего разговора.

И Константин Симонов сдержал свое слово. В июле 1960 года он приезжает в Гульрипш вместе с женой Ларисой Алексеевной и детьми. Возобновились его ежегодные приезды в Абхазию. Мы, писатели Абхазии, были рады, что Константин Симонов по-прежнему рядом с нами. В 1968 году Константин Михайлович по собственному проекту построил рабочий кабинет, который получился довольно просторным. Здесь слышен шум набегавших к берегу волн. Ближе к окну стоит длинный письменный стол из тесаного бревна, на котором стоит диктофон, лежат карандаши, фломастеры. Когда приходили гости, стол выдвигался на середину комнаты и становился обеденным.

В этом кабинете Константин Симонов трудился более 15 лет. Здесь он написал трилогию «Живые и мертвые», подготовил к печати свои дневники «Разные дни войны».

Кабинет одновременно служил и приемной. Здесь бывали многие писатели нашей страны, например: К. Федин, Б. Горбатов, А. Кривицкий, М. Луконин, М. Алигер, Е. Евтушенко, И. Абашидзе, К. Каладзе, Р. Маргиани, Н. Думбадзе.

Здесь К. Симонов принимал зарубежных гостей — Натали Саррот из Франции, Ф. Хитцера из Федеративной Республики Германии, Пабло Неруду из Чили.

Пабло Неруда в своей книге «Признаюсь: я жил»

тепло вспоминает о своем пребывании в Гульрипше: «Несколько дней я живу в доме писателя Симонова. С ним мы купаемся в теплых водах Черного моря. Симонов показывает мне свой сад с прекрасными деревьями. Мне знакомо почти все, и стоит Симонову сказать, как называется дерево, я с чисто крестьянской гордостью замечаю:

— Такие есть и у нас в Чили. И эти тоже. И вот те.

Симонов смотрит на меня, пряча насмешливую улыбку. А я ему говорю:

— Как жаль, что ты, быть может, никогда не увидишь дикий виноград в моем саду в Сантьяго, не увидишь тополей, позолоченных чилийской осенью — такого золота нет нигде в мире! Если бы ты знал, как цветут у нас вишни и как душист чилийский болюдо. Если бы ты видел по дороге в Малитилью, как крестьяне раскладывают на крышах домов золотые початки манса. Если бы ты хоть раз ступил в холодную чистую воду у берегов Исла-Негра. Но выходит, дорогой Симонов, что пока страны воздвигают преграды, пока они враждуют и стреляют друг в друга в «холодной войне», мы люди — разделены. Мы взмываем ввысь на скоростных ракетах, чтобы приблизить небо, но все еще не можем обменяться братскими рукопожатиями на земле.

— А вдруг все изменится? — говорит сквозь улыбку Симонов и бросает камешек богам, погруженным в Черное море».

В том же путевом очерке Неруда описывает свои впечатления об Абхазии: «Мы в Сухуми, главном городе Абхазии, маленькой советской республики. Это и есть легендарная Колхида, край золотого руна, которое за шесть веков до нашей эры надумал украсть Ясон. Это и есть родина диоскуров. Позже в музее я увижу грече-

ский мраморный барельеф, только что извлеченный со дна Черного моря, на берегу этого моря греческие боги вернули свои таинства, свои мистерии. Теперь на смену таинствам и мистерии пришла трудовая жизнь советских людей. Здешние жители не похожи на ленинградцев. У этой земли солнца, хлебов и бескрайних виноградников другое звучание, легкий средиземноморский акцент. У мужчин — особая походка, у женщин — руки и глаза Италии или Греции»¹.

Пребывание К. Симонова в Абхазии — это большая полоса его творческой биографии. За эти годы он много раз бывал у меня дома с Ларисой Алексеевной и детьми. Вся моя семья с радостью ждала прихода Константина Симонова в наш дом, она встречала его, как близкого и родного человека. Мои внуки Гунда и Леван подстерегали, чтоб первыми открыть дверь писателю. Моя жена Тамара Константиновна старалась, чтобы на столе были любимые абхазские блюда Константина Михайловича. И стены нашей столовой не раз слышали голос Симонова: здесь много раз он читал стихи.

Да, за 30 лет у нас с Симоновым было много незабываемых встреч, душевных бесед, смеха и веселья. Всего не расскажешь. Но упорный и кропотливый труд — вот что было самым главным в его жизни в Абхазии и чему я был участливый свидетель. Константин Симонов, даря мне книгу «Разные дни войны», писал: «Старому другу и давнему доброму свидетелю моих гульрипшских дел...» А на книге «Последнее слово» он оставил мне автограф — «Эту книгу, написанную в его владениях и созданном им воздухе дружбы...».

¹ Пабло Неруда. Признаюсь: я жил. М., издательство политической литературы, 1978, с. 316.

Мне кажется, что Константин Михайлович никогда не переставал интересоваться абхазской литературой, где бы он ни жил. В 1960 году, находясь еще в Средней Азии и узнав о смерти Д. И. Гулиа, Симонов тут же написал статью «Черты облика». «Когда я думаю о Дмитрие Иосифовиче Гулиа, в глазах моих стоит далекая маленькая и величественная Абхазия...» — так начинается эта статья. В ней дан образ «невысокого старика, с широкими худыми плечами», у которого «сила была силой духа, выдержавшего в жизни многие испытания и не согнувшегося и перед последним испытанием — старостью...» В этой статье дана высокая оценка многогранной деятельности этого неутомимого человека.

Интересы Константина Симонова к Абхазии не ограничивались только национальной литературой, они касались отдельных вопросов истории края и его искусства, а также абхазского фольклора. И по этим вопросам мы находим у Симонова интересные высказывания и наблюдения. Он познакомился с нашими ведущими историками, профессорами Г. Дзидзария и Ш. Инал-ипа, имел с ними переписку.

В 1962 году в Москве в переводе на русский язык выходит древнейший абхазский нартский эпос. Это значительное явление в культурной жизни Абхазии не проходит незамеченным Константином Михайловичем. В декабре того же года в «Литературной газете» появляется его статья под заглавием «Вырубленное из камня», в которой К. Симонов пишет: «Мне кажется, что в этой прозе в стихах, в суровом богатыре Саерыкве, которого мать не родила, а вырубил из камня и закалила в огне, чувствуется подлинный голос народных преданий, голос суровой и многотрудной истории маленького по числен-

ности, но сильного духом, гордого и независимого народа.

В октябре 1963 года в Сухуми, в самом сердце Абхазии, открывается памятник великому сыну Абхазии — Дмитрию Гулиа. На торжественном митинге от имени правления Союза писателей СССР выступает Константин Симонов.

Высоко оценивая все то, что сделал Д. И. Гулиа во всех областях абхазской национальной культуры, Симонов, в частности, отмечал: «Мне даже трудно мысленно представить себе другого человека, который бы с такой силой любил свою страну и свой народ, как любил их Дмитрий Гулиа, и который имел бы такое же бесспорное право быть похороненным в сердце этой маленькой страны, которую он так любил и на благо которой так неутомимо работал...»

Несколько лет спустя Константин Симонов вновь возвращается к образу основоположника абхазской литературы: «Прошло четыре года, я снова в Абхазии и мне хочется приписать еще несколько страничек к тому, что некогда, четыре года назад, в апреле 1960 года, я написал из далекого Ташкента, узнав там о смерти Д. И. Гулиа».

Симонов выступает в газете «Правда» со статьей «Удивительное рядом» по поводу выхода моей книги «Песня о скале» на русском языке в издательстве «Советский писатель», пишет предисловие к однотомнику моих поэтических произведений, вышедшему в Госполитиздате, заметки к стихам И. Тарба.

1974 год. Столетие со дня рождения Д. И. Гулиа. Праздник начался Днями абхазской литературы в Тбилиси, где некогда Д. И. Гулиа преподавал в университете, где в 1912 году вышла его первая книга стихов.

Города и села — вся Абхазия торжественно с большим подъемом отмечает этот праздник. Константин Симонов, как всегда с нами, он возглавляет делегацию из Москвы, выступает с речью на торжественном заседании в Абхазском государственном театре им. С. Чаба, едет с другими гостями в родное село поэта Адабжа, участвует в закладке парка имени Д. Гулиа, где сажает дерево; посещает Литературно-мемориальный музей Д. И. Гулиа, делает в книге отзывов первую запись, дает корреспонденту местной печати интервью.

Этот большой интернациональный праздник завершается в столице нашей Родины в Москве. Зал имени Чайковского, торжественный вечер, председательствует Константин Симонов. На следующий день он приглашает всех многочисленных гостей, приехавших на юбилей из Абхазии и других мест, на ужин в Центральный Дом литераторов. Под его непосредственным руководством были проведены вечера абхазской литературы в Туле и в некоторых местах города Москвы.

Константин Симонов продолжает ежегодно, обычно осенью или весной, приезжать в Гульриш, упорно работает. Для отдыха почти не остается времени. Но он не замыкается, без широкого общения с людьми он не мыслит жизни. К нему идут не только писатели, идут разные люди, как местные, так и приезжие, идут по самым разным вопросам. Он всеми силами старается оказать им помощь, для чего иногда приходилось обращаться в партийные и советские органы Абхазии... Он всегда среди друзей, всегда в курсе всех литературных событий. Помню, Константин Михайлович был у меня дома. За обеденным столом мы попеременно читали стихи. Я читал по-абхазски, но потом, кажется, кто-то из членов застолья пересказал ему содержание стихов. Симонову

очень понравилось одно стихотворение, которое, по его просьбе, мне пришлось прочитать еще раз. Здесь же, по его настоянию, я сделал устный подстрочный перевод. Константин Михайлович все это записал на свой портативный магнитофон.

На другой же день он присылает мне перевод моего стихотворения «Пьют за долгую жизнь мою...».

В беседах мы с Симоновым много раз касались вопроса художественного перевода. Говоря об этих проблемах, мы вспоминали его статью, напечатанную в «Литературной газете» еще в 1951 году. И сегодня остается актуальной высказанная еще тогда Симоновым мысль: «Почему-то о работе переводчика обычно говорят только в конце статьи, относя иной раз за его счет даже недостатки оригинала. Не отсюда ли идет вредная традиция «улучшения» текста? Критик редко заглядывает в подстрочник и почти никогда — в оригинал». Из других мыслей Симонова, касающихся художественного перевода, мне всегда было близко — не проявлять поспешности в выборе произведений, т. е. «не переводить их раньше, чем они станут устойчивым фактом родной поэзии, для широкого круга читателей, читающих эти стихи на своем первоначальном, если можно так выразиться, языке».

Поездки в разные уголки Абхазии, посещение домов своих друзей служили для Симонова своеобразным отдыхом, и он возвращался оттуда, как говорится, не с пустыми руками — в бодром настроении, с интересными мыслями, довольный увиденным или услышанным. Так он исколесил всю Абхазию. Его и меня в село Лыхны пригласил Иван Ванача — кавалер трех орденов Славы, который встречался с Симоновым, когда снимался кинофильм «Шел солдат». Нас принимал у себя дома

отец Ивана — 110-летний Темур, участник первой империалистической войны, ныне лучший танцор ансамбля абхазских долгожителей «Нартаа». Константин Симонов осмотрел развалины дворца бывших владетельных князей Абхазии, посетил среднюю школу и остался очень доволен школьным музеем. Это было его последнее посещение абхазского села.

При встречах мы обычно делились своими творческими планами. И Константин Михайлович знал о том, что вот уже много лет я работал над историческим романом «Последний из ушедших». Каждый раз, приезжая в Абхазию, он неизменно спрашивал, как у меня продвигается работа, и я с удовольствием рассказывал ему об исторических материалах, собранных мной.

С самого начала, судя по тому, какую заинтересованность проявил он к историческим материалам, собранным мной, я чувствовал, что ему понравилась проблематика романа. Роман наконец был завершён и в 1972 году опубликован в журнале «Алашара». Константин Симонов находился в ту пору у нас в Гульрише. Я ему послал подстрочный перевод первой книги «Последний из ушедших». Он за сутки прочел рукопись и дал высокую оценку произведению. При этом Симонов признался, что хотя он не занимается переводом прозы, но считает своим моральным долгом перевести эту книгу, поднимающую сложные исторические проблемы, и просил переслать ему в Москву другие части романа, что мной вскоре и было сделано.

Весной 1973 года Константин Симонов с Ларисой Алексеевной находился в Крыму в санатории «Нижняя Ореанда». Здесь он завершил чтение подстрочного перевода всего романа. Ему оказалась необходима встреча со мной. Я приехал в Ялту, остановился в городской

гостинице, в которой, как сообщили мне с гордостью сотрудники, некогда останавливался В. Маяковский. Мы встретились с Симоновым. Несколько часов просидели над его замечаниями к роману, которые были приготовлены к моему приезду. Среди них были и очень ценные, которые я учел в окончательной редакции.

После деловой части нашей беседы Лариса Алексеевна и Константин Михайлович пригласили меня за город, в ресторан «Лесной». Это было в апреле. Природа только-только начинала пробуждаться. Наша машина поднималась кругами по извилистой дороге. Вокруг свежо и тихо. В ресторане было почти безлюдно.

Но здесь Константин Михайлович был, разумеется, опознан, мигом все засуетились. Мы втроем сидели за столом, который был, как всегда у Константина Михайловича изысканным, пили прекрасное крымское вино. Разговор о романе возобновился. Константин Михайлович поздравил меня с успешным окончанием «Последнего из ушедших», произнес здравицу, как он выразился, «за дальнейшую его жизнь». Сидели долго, уходить не хотелось, вспоминали своих друзей. Много говорили о Твардовском. Константин Михайлович писал тогда свои воспоминания об Александре Трифоновиче.

В конце 1973 года Константин Симонов и поэт Яков Козловский приступили к переводу «Последнего из ушедших». Под Новый год получаю телеграмму от Константина Михайловича: «Поздравляем, обнимаем, переводим».

К. Симонов всегда очень серьезно относился ко всему, за что он брался. Работал самоотверженно, с полной отдачей, был чрезвычайно организованным человеком. Казалось, своевольное время с робостью подчинялось его власти. Прежде чем приступить к переводу романа, Кон-

стантин Михайлович прочитал большое количество исторического материала. Переводческая работа над романом его увлекла. Он и Яков Козловский много раз встречались со мной, советовались, обговаривали самые различные вопросы, возникавшие уже в процессе перевода.

После выхода романа на русском языке Симонова не раз спрашивали о том, что побудило его взяться за перевод исторического романа. Он отвечал: «Хотя роман исторический, проблемы, поднятые в нем, должны волновать современников... Проблема романа это проблема Родины и человека, трагедия потери не только своей земли, но и своего языка, культуры, будущего...»

Много времени он отдавал работе комиссии по грузинской литературе, председателем которой он являлся. За небольшой период времени под его непосредственным руководством был проведен ряд интересных и очень нужных мероприятий. Хочется вспомнить одно из них. В конце марта 1979 года в Москве Комиссией по грузинской литературе совместно с Союзом писателей СССР были проведены творческие вечера видных грузинских поэтов — К. Каладзе, И. Нонейшвили, Д. Чарквани. В эти дни на автозаводе им. Лихачева состоялась читательская конференция и по моему роману «Последний из ушедших». Председательствовал Константин Симонов. На конференцию я шел с волнением, ибо знал, что здесь предстоит встреча с читателями высокого уровня. На вечере состоялся, на мой взгляд, содержательный, интересный разговор. Это было одно из последних выступлений К. Симонова. Во всяком случае, эта читательская конференция на всю мою жизнь останется мне памятной. Каждый раз, когда я вспоминаю этот вечер, перед взором возникает К. Симонов, стоящий за столом президиума, то представляющий слово ораторам, то даю-

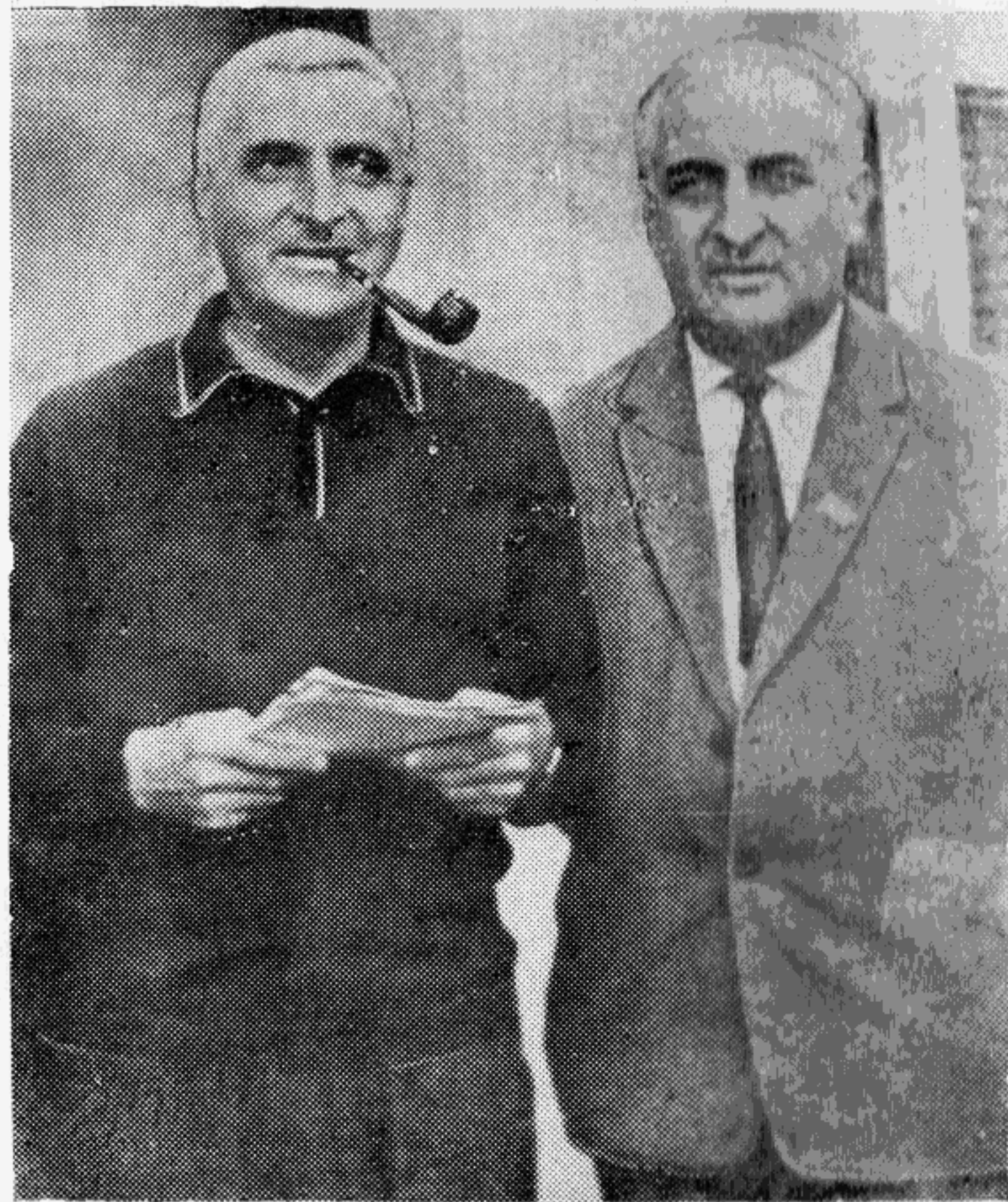
ний и опутные комментарии, разъяснения. Так не спеша, непринужденно, вел он вечер...

На вечера грузинской поэзии в марте 1979 года он приходил вопреки нашему желанию: мы видели, как он себя плохо чувствует, знали, что у него температура.

Примерно через неделю Константин Михайлович слег в больницу. Я навестил его. Мы долго сидели в палате, и каждый раз, когда я вставал, чтоб уйти, он просил посидеть еще немного. Говорил он о только что проведенных вечерах, о продолжении этих встреч в будущем... В разговоре он несколько раз возвращался к Абхазии, вспоминал Гульрипш, куда собирался приехать после того, как немного полечится в Крыму. Вспомнили вечер, который несколько лет тому назад мы вместе провели в моем родном селении Члоу, в доме моих предков. Даже вспомнили белоствольный платан, под которым вечером долго сидели... «Ночью, перед сном, мне почему-то показалось, что горы здесь совсем рядом, а утром вроде отдалились...» — с грустью вспоминал Константин Михайлович. Затем тихим голосом добавил: «Как хочется пройти босиком по зеленой траве...»

Это была последняя наша встреча. Впоследствии я написал о ней стихи.

31 августа 1979 года в Центральном Доме литераторов родные, близкие, друзья стояли у гроба Константина Михайловича Симонова. Через траурный зал проходили многочисленные почитатели. Для меня удар был слишком неожиданным... С трудом верилось, что больше не будет среди нас того, кто десятки лет делил с нами печаль и радость... Мы выходили с гробом на улицу, провожая друга в последний путь. Каждый из нас нес в своем сердце своего Симонова. Симонова, который останется с нами до конца наших дней.

К. Симонов и Б. Шинкуба. Сухуми, 1978 г.

Баграт Шинкуба

Ты и за долги не забудь мою!
А я, словно не покинуло,
Со стихахачом в руды слезю
И — великий лес величавою!

Мяней к небу стволы бесно,
Стволы мушкет и раздвигает,
И кора для него — тесно,
И кора — эта же осталась

Если я в руду стану корой,
Тесной для моего народа,
Пусть он сбросит меня долой,
И растёт, как великий природа.

Каждый убо корней,
Стану почвою, перекалю,
Помогу и смертию своей
Ему возрасти надо и корю.

перевод

Константин Симонов

14. 8. 74

Григорий

В самом начале своего творческого пути Константин Симонов писал:

Мы измеряем, долго ли ты жил,
Не днями жизни, а часами дружбы...

На протяжении всей своей жизни он оставался неизменно верным им же установленному своеобразному летоисчислению, в котором главное — не прожитые календарные годы, а те минуты, те часы и дни, что остаются людям и только им.

Да, он жил у нас. И все живые нити, которые связывали многие годы Константина Симонова с Абхазией, свидетельствуют о том, что он имел самое непосредственное отношение к судьбам абхазской литературы, к тому удивительному явлению, что произведения писателей абхазского народа, создавшего свою художественную литературу лишь в начале века, ныне вышли за национальные рамки и становятся известными не только в разных уголках нашей страны, но и за ее пределами.

Я старался подчеркнуть несколько характерных эпизодов из большой жизни Симонова в Абхазии. Они говорят нам о глубине его большой любви к нашему краю, к нашему народу. Он всем своим сердцем привязался к Стране Души, как образно зовут абхазцы свою родину. Константин Симонов, пожалуй как никто другой, с полным правом мог считать себя не только большим другом, но и большим знатоком, соучастником мужания абхазской литературы. На этот счет он писал следующее: «Я почти ежегодно, по несколько месяцев живу и работаю в Абхазии и с достаточной долей уверенности могу сказать, что имею представление о путях развития абхазской литературы за эти годы. И о рождении в ней

и о новых и новых талантах, и о том возрастающем на протяжении этих лет значении, которое имеет эта литература в жизни абхазского народа, и о все более широком выходе ее на суд всесоюзного читателя».

Истоки только что приведенного высказывания Константина Симонова станут особо понятными, если учесть его многочисленные встречи с писателями Абхазии, чтение их рукописей, добрые советы, рекомендации, выступления на литературных вечерах, высказывания по различным проблемам литературы. Все то, что сделал большой советский русский писатель Константин Симонов для культуры Абхазии, не исчезнет бесследно. Рука друга всегда оставляет добрый след. Кстати, то же самое могли бы сказать, наверное, о Константине Симонове представители литератур и других наших республик, ибо ему было присуще такое замечательное чувство, как чувство братства, называемого интернационализмом.

В этой связи будет закономерным вспомнить высказывание Константина Симонова, которое как нельзя лучше отражает его взгляды, как писателя, как гражданина, как коммуниста: «Больших народов и маленьких народов нет, есть народы многочисленные и малочисленные. И это обстоятельство снова и снова подчеркивается каждым шагом вперед, который делает в развитии человечества наша коммунистическая культура, не на словах, а на деле борющаяся за истинное равноправие всех народов».

Не ускользало из поля зрения нашего друга и все то, более или менее значительное, что происходило за годы Советской власти в культурной жизни Абхазии. Как я уже отмечал, то, что именно Константин Симонов являлся председателем Всесоюзного юбилейного комитета по организации и проведению 100-летия со дня рождения

основоположника абхазской литературы Д. И. Гулиа, было не случайно. Этот юбилей явился большим праздником культурной жизни не только Абхазии и Грузии, но и всего советского народа. И мы, абхазские литераторы, гордимся тем, что именно Константин Симонов являлся как бы нашим полпредом на юбилейных торжествах, что именно ему принадлежат слова, характеризующие подвиг Дмитрия Гулиа: «Эта удивительная жизнь мальчика из абхазской деревни, молодого сельского учителя 90-х годов прошлого века, ставшего сначала великим просветителем своего маленького народа, а потом писателем и поэтом, известным в громадной двухсотмиллионной стране, такая жизнь, конечно, граничит с подвигом, а может быть и является им...»

Большой русский советский писатель адресовал эти слова своему абхазскому другу — Дмитрию Гулиа, но истинный адресат, к которому обращался Константин Симонов — это абхазский народ, давший стране великого сына, народ, обретший крылья благодаря Советской власти, благодаря мудрой ленинской национальной политике Коммунистической партии. И мы благодарны Константину Симонову за эти добрые слова, за те чувства истинно братской дружбы, которые он испытывал к землякам Дмитрия Гулиа.

Вот почему светлая память о Константине Симонове дорога абхазскому народу, всем трудящимся нашей республики.

Я хотел бы закончить эти заметки моими стихами о Константине Симонове в переводе М. Алигер.

Как жил ты на семи ветрах,
Так и остался жить без срока.
И ветру отдали твой прах,
И он понес его далеко.

В огне войны, в густом дыму,
Твой путь вперед был прям и светел,
Так пусть по следу твоему
Всегда несется этот ветер.

Пускай летит он на крылах
Твоей солдатской честной славы
И пусть он понесет твой прах
На все границы и заставы.

Пусть он ложится, словно пыль,
На обелиски, камни, плиты
Героев-воинов.

Не ты ль

Слагал о них за былью быль,
Чтоб не были вовек забыты?

Ты наше море видел в снах,
Тебя, как сына, горы ждали,
Пускай же долетит твой прах
И к нам в Апсны, из дальней дали.

На пике остром и крутом,
Куда лишь ветер долетает,
Стань вечным снегом, вечным льдом,
Который никогда не тает.

Будь выше облаков и туч,
Но пусть однажды, в час рассвета,
К тебе дойдет, как теплый луч,
Любовь абхазского поэта.

Баграт Шинкуба,
народный поэт Абхазии

3 июля 1980 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

Черты облика (стр. 3) — Впервые в «Лит. газ.», 12 апреля 1962 г.

«Неотъемлемая частица своего народа» (стр. 8) — Впервые в газете «Сов. Абх.», 6 июня 1980 г., под названием «Живет в своей любви к народу и земле...» В оригинале, хранящемся в фондах Лит.-мем. музея Д. И. Гулиа (Сухуми), значится: «Гульрипш, 18 мая 1964 г.».

«Правление Союза писателей СССР...» (стр. 11) — Выступление на митинге при открытии памятника Д. И. Гулиа в Сухуми. В оригинале значится: «Гульрипш, 7 октября 1963 г.». Из личного архива К. Симонова. Публикуется впервые.

«Я вспоминаю как большое счастье...» (стр. 13) — Из интервью корреспондента «Сов. Абх.», 24 сентября 1974 г. (в дни празднования 100-летия Д. И. Гулиа).

«Пример жизни и деятельности...» (стр. 14) — Из выступления на юбилейном вечере 100-летия Д. И. Гулиа в Сухуми в Абхазском государственном ордена «Знак Почета» драматическом театре им. С. Я. Чанба 22 сент. 1974 г. Хранится в фондах Лит.-мем. музея Д. И. Гулиа. Публикуется впервые.

«Тут собралось много поэтов...» (стр. 15) — Из выступления на вечере в Туле в сент. 1974 г. на Днях абхазской литературы, приуроченных к 100-летию Д. И. Гулиа. Хранится в фондах Лит.-мем. музея Д. И. Гулиа. Публикуется впервые.

«Мы отмечаем сегодня...» (стр. 18) — Из выступления Симонова в Концертном зале им. Чайковского в Москве на юбилейном вечере в честь 100-летия со дня рождения Д. И. Гулиа 17 октября 1974 г. Из личного архива К. Симонова. Публикуется впервые.

«Идешь жил и работал...» (стр. 20) — Первая запись в книге отрывков Лит.-мем. музея Д. И. Гулиа, сделанная К. Симоновым в день открытия музея 22 сент. 1974 г. Публикуется впервые.

«И тут уже, в общем, живу...» (стр. 21) — Из беседы с Ф. Хитцером. Из личного архива К. Симонова.
Фридрих Хитцер — западногерманский журналист.

Вырубленное из камня (стр. 22) — Впервые в «Лит. газ.», 1 дек. 1962 г.

Удивительное рядом (стр. 27) — Впервые в газ. «Правда», 8 мая 1968 г.

«Я редко занимаюсь переводами...» (стр. 33) — Речь идет о работе над переводом исторического романа Б. Шинкубы «Последний из ушедших».

«У Шинкубы, помимо скитаний убыхов...» (стр. 34) — Из интервью с К. Симоновым. «Чувство истории», журн. «Телевидение. Радиовещание», 1974, № 1.

«Я рад возможности открыть...» (стр. 34) — Из репортажа кор. «Сов. Абхазии» «Поэзия большой прозы», 31 марта 1979 г. В Москве, во Дворце ЗИЛа, в конце марта 1979 г. была проведена читательская конференция с участием Б. Шинкубы по обсуждению его романа «Последний из ушедших». На вечере председательствовал и выступил К. Симонов.

О поэзии Баграта Шинкубы (стр. 36) — Предисловие к книге Б. Шинкубы «Избранное», М., «Худ. лит.», 1976 г. Написано в 1975 г.

Закономерный путь (стр. 45) — Впервые в «Лит. газете», 1963 г.

«Алексей Ласурна — прекрасный поэт...» (стр. 47) — Из выступления на митинге при открытии памятника А. Ласурна в селе Кутол осенью 1969 г. Хранится в фондах Госкомитета по тел. и радиовещ. Совмина Абх. АССР. Публикуется впервые.

«Кавказ играл совершенно особенную роль...»

(стр. 49) — Предисловие К. Симонова к книге Г. Дзидзария «Декабристы в Абхазии». Изд. «Алашара». Сухуми, 1969 г.

Стр. 49 — Дзидзария Георгий Алексеевич — чл.-кор., АН ГССР, доктор исторических наук, профессор.

«Конечно, тяжело, когда уходят...» (стр. 51) — Из выступления в селе Атара на юбилейном вечере Л. Квициния в ноябре 1973 г. Хранится в фондах Госкомитета по тел. и радиовещ. Совмина Абх. АССР. Публикуется впервые.

«Иван Тарба широко известен...» (стр. 52) — Вводка К. Симонова к подборке стихов И. Тарба. «Лит. газ.», 21 нояб. 1973 г.

О музее в Лыхнах (стр. 54) — Из личного архива К. Симонова. Написана в июне 1976 г. Впервые опубликована в журнале «Дек. искусство», 1977, № 9.

Стр. 59 — Корнев Михаил Матвеевич — директор издательства «Советский писатель».

Стр. 60 — Стихотворение-посвящение «Дмитрию Иосифовичу Гулиа» сопровождали китайский сундук со столиком и сервизом, подаренные К. Симоновым Д. Гулиа к его 70-летию.

Стр. 61 — Гулиа, Елена Андреевна (1893—1979) — жена Д. И. Гулиа.

Димка — Гулиа, Дмитрий Георгиевич — внук Д. И. Гулиа, ныне кандидат исторических наук.

Стр. 63 — Косолапов, Валерий Алексеевич — директор издательства «Художественная литература».

Стр. 66 — Гулиа, Татьяна Дмитриевна — дочь Д. И. Гулиа, ныне директор Лит.-мем. музея Д. И. Гулиа.

Стр. 69 — Джалишвили, Элисо Петровна — редактор издательства «Художественная литература».

Стр. 70 — Инал-ипа, Шалва Денисович — доктор исторических наук, профессор, литературный критик.

Стр. 74 — Тверской, Александр Давидович — русский советский писатель, литературный критик.

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи, выступления, заметки	3
Письма, телеграммы	58
Он жил у нас	79
Примечания	101

КОНСТАНТИН СИМОНОВ АҦСНЫ

Аиқуршәады Денис Чачхалиа

Урысшәала

კონსტანტინე სიმონოვი აფხაზეთში

შემდგენელი დენის ჩაჩხალია

რუსულ ენაზე

КОНСТАНТИН СИМОНОВ В АБХАЗИИ

Составитель Денис Чачхалиа

Редактор Л. Аргун

Художник Г. Корсантия

Художественный редактор П. Цквитария

Технический редактор С. Гордезиани

Корректоры Ж. Гублиа, А. Мхитарян

Выпускающий Т. Ашхараа

ЭИ00325. Сдано в произв. 13.07.1981 г. Подп. к печ.
16.11.1981 г. Офс. № 1 Ф. 84x108¹/₃₂. Усл.-печ. л. 4,73.
Уч.-изд. л. 3,0. Зак. № 5246. Тир. 3000 экз.
Цена 30 коп.

Сухумская типография им. Лени на
Государственного комитета Грузинской
ССР по делам издательств, полиграфии и книжной
торговли, г. Сухуми, ул. Ленина, 6.

Цена 30 коп.

Тысяча раз